Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 58 2007 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

НАША ЖИЗНЬ – ПУТЬ КО ГОСПОДУ
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О угрозах Божиих»

ДУША РАСТЕТ В СКОРБИ
Отрывки из писем святой мученицы императрицы Александры Феодоровны

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ БУДЕТ ПРАВЕДНИК
Слово на панихиде

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским пустынником: «О современном монашестве»

ТИХАЯ ЛЕСНАЯ ОБИТЕЛЬ
История Свято-Тихоновского монастыря

ЖИВАЯ ВОДА ПРОМЫСЛА БОЖИЕГО
«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

СТАРИЦА МИХАИЛА
Из воспоминаний о схимонахине Михаиле (Сарычевой)

ДАРЬЮШКА

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ЕПИСКОПУ ЛИПЕЦКОМУ И ЕЛЕЦКОМУ НИКОНУ, НАМЕСТНИКУ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Сердечно поздравляю Вас и братию монастыря с великим и спасительным праздником Святой Пасхи!

Ныне все мы призваны неленостно трудиться во славу Божию, с радостью используя новые открывающиеся возможности церковного свидетельства, *благовествуя день от дне спасение Бога нашего.*

Господь наш Иисус Христос укрепляет нас в испытаниях, утешает в печалях, помогает благовествовать о вечных евангельских истинах. Ныне Он сподобил нас быть свидетелями Своего Воскресения и участниками пасхального богослужения, которое объединило всех верных чад Церкви в евхаристическом, молитвенном и духовном общении.

Молитвенно желаю Вам и братии обители радости о Воскресшем Господе Спасителе нашем, крепости душевных и телесных сил, терпения и преуспеяния в вашем дальнейшем служении Матери Церкви и ближним.

Всещедрый Господь да дарует вам все потребное и благое для дальнейшего следования по пути спасения.

С любовью о Христе Воскресшем

Пасха Христова
2007 год
г. Москва

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Наша жизнь - путь ко Господу

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Благовещенский женский монастырь, село Ожога, Воловского р-на. 28 января 2007 г.

Дорогие отцы, братья и сестры! Сегодня за Божественной литургией вы слышали притчу о мытаре и фарисее. С сокрушенным сердцем мытарь стоял вдали в храме, бил себя в грудь и говорил: *«Боже, милостив буди мне грешнику»* (Лк. 18, 13). Да, некоторые из нас, может быть, так и говорят устами, а нужно, чтобы говорило сердце. Наша жизнь — это путь ко Господу через покаяние.

Если кто из вас читал преподобного Иоанна Лествичника, тот видел глубину покаяния древних монахов, оно было выше, чем у мытаря. Там плакали день и ночь о своих грехах. А как живем мы сейчас?..

Было время, разрушили святыни, монастыри, их дух был развеян по стране. Слава Богу, после разорения и поругания мы вновь восстанавливаем здания святых обителей, строим новые, золотим купола. Но внутренний дух подвижничества, монашеский дух, к сожалению, восстановить не можем. Раньше столько веков молились подвижники, из поколения в поколение они орошали слезами землю, и святость их жизни, «намоленность» тех мест привлекали к себе многих. Люди поселялись либо в обителях, либо недалеко от них. Они жили не ради каких-либо житейских вы-

год, а ради спасения своих душ, и духовно окормлялись у монахов-старцев монастыря, привлекаемые их подвигами.

Пророк говорит: «*Время разметати камение и время собирати камение*» (Еккл. 3, 5). Разбросали камни монастырские, теперь вот понемножку собираем. Но уже эти камни для построения духовной церкви стали другими — они колотые, неотесанные, некрасивые — трудно из них строить здание. К тому же они плохо держатся, некоторые выпадают: есть такие люди, которые говорят, что я лучше дома буду молиться и спасаться... Одни камушки качаются, но пока еще держатся в стене. А когда связи со стеной будет еще меньше, то и они упадут — уйдут из монастыря... Вот мы являемся таким зданием, а Господь есть основание этого здания. Он является краеугольным камнем, Он призывает и укрепляет нас, помогает нам держаться этого духовного строения, но все равно мы колеблемся.

А спасемся ли мы, устоим ли мы, выдержим ли мы такую жизнь? По силам ли нам нагрузки, которые мы здесь несем? И в таком смятении мы думаем о том, как бы нам жить полегче. Но кто терпит все лишения монастырской или семейной жизни, тому дается Ангел для помощи в скорбях, в несении жизненного креста. В книгах описан пример, как один монах не приходил в храм неделю, другую, третью. Когда спохватились, что-то с ним случилось — наверное, болеет. Приходят к нему, открывают дверь, он кричит: «Не заходите ко мне, не заходите!..» На вопросы он после ответил: «Когда я заболел, и никого не было, то Господь послал ко мне Ангела. Как только вы открыли дверь, он ушел от меня, а я хотел бы всегда быть с Ангелом»... Когда мы полагаемся не на Бога, то и Ангела нет. Когда во всем полагаемся на человека, то часто не получаем облегчения. Наоборот начинаются споры, распри, принимаемся друг друга учить, как жить. И вместо помощи мы только находим всякие искушения в этой жизни.

Да, трудно нести крест свой и особенно, когда мы стараемся идти за Господом. Господь видит наши желания нести крест на свою голгофу и часто сначала не помогает. Он дает нам возможность прочувствовать тяжесть креста, чтобы научить нас всегда взывать к Нему и полагаться на Него. Надо чаще взирать на Христа. Он нес крест, измученный в страданиях, избиениях, заушениях, падал — вставал и опять нес крест...

С нами такого не бывает. В миру мы думаем, что, придя в монастырь, отдадим себя полностью Богу в молитве, в бдениях, посте... И придя в обитель, по-началу стараемся: и молимся, и поклоны кладем, стремимся, хоть и денег нет, но хоть свечку поставить, стараемся смиряться, кланяемся всем и мечтаем еще пострадать ради Христа: «Пусть меня кто-нибудь обидит, я потерплю ради Христа». Но проходит какое-то время, и мы видим, что один спит, когда все на правиле, другой портит имущество, третий небрежно относится к своему послушанию, четвертый ходит походкой вольной, пятый... И начинаем, *как нам кажется*, видеть всех... Начинаем осуждать. Так незаметно теряется наша ревность, мы становимся непослушными, непокорными, недовольными всем, а может и озлобленными. Начинаем говорить: «Почему я обязан делать то и то, а почему другой это не делает?» Начинаем искать себе оправдания, почему мы такие грубые, жестокие, непослушные...

Приближается время, когда верные будут страдать за Христа. Будут и нас заставлять поклониться царю мира, будут пытать, чтобы мы рассказывали все о наших братьях и сестрах. Те, кто сейчас живут в ропоте, кто живет в постоянном озлоблении, непослушании, укорении и уничижении других, те потеряли Ангела, который укреплял бы их, потеряли помощь Божию. «*Без Мене не можете творити ничесоже*» (Ин. 15, 5), — говорит Господь. И мы сами прекрасно знаем, что без Бога нам не устоять. Если мы без Него не можем помолчать, но начинаем многословить, служа диаволу, то, что сказать, когда наступят часы великих испытаний и гонений. И те, кто молчит, но внутренне всем недоволен: укладом здешней жизни, уставом, пением, чтением, питанием... — он молчит, а в душе целый ад, раздирают его всякие помыслы. И когда случается повод, то все это выплескивается из него, как гной из созревшей раны.

Вы, наверное, слышали рассказ, как один юноша приехал на Гору Афон к старцу и говорит:

— Хочу пострадать ради Христа.

— Ну страдай, молись.

— Старец, я хочу до крови, хочу пролить кровь за Христа.

— Зачем тебе кровь? Молись, постись, подвизайся.

— Я не могу, так я не пострадаю, я только кровью могу пострадать.

— Ладно, — отвечает старец, — видишь там келию, она сейчас свободна, иди неделю сиди там. И в эту неделю не более трех чашек чая пей, ни с кем не разговаривай и не чешись.

Проходит четыре дня, юноша прибегает и делает поклон старцу:

— Прости меня, авва, как ты сказал, я все старался выполнить: чая пил только три чашки, не выходил из келии, ни с кем не встречался, но не чесаться я не могу (а в этой келии было полно блох).

— Ну вот, а хотел до крови пострадать...

Так и мы: часто бывает, думаем в душе — я пострадал бы, я потерпел бы. И даже терпим, когда видимо нас оскорбляют. А когда кто-нибудь подойдет и так тоненько нас «укусит», мы ропщем: «Ну, хитрая, как змея, подъехала, все у меня внутри перевернула». Ну и где наше терпение и страдание за Христа?

Однажды владыка Зиновий говорит отцу Виталию: «Вот сапоги, ты не возьмешь себе?» «Владыка, благословите». Тут же переобулся и пошел. Ходит в них день, два. Мать Мария смотрит, что он как-то боком ходит: «Отец Виталий, а ну снимай сапоги». Он не дает. Стянула с него сапог, а у него пальцы крючком и все белые — сапоги же на два размера меньше!.. Она звонит: «Владыка, что же ты дал такие сапоги отцу Виталию! Они меньше на два размера...» Тогда владыка говорит: «Виталий, ну что ты со мною делаешь?» А он за послушание хотел пострадать... Не так с нами: мы не хотим этих страданий. Нам скучно, нам мало времени для сна, плохая пища, нам мешают молиться, нас развлекают всякими разговорами... А вот ради Христа пострадать никто не хочет. В чем, спросите вы, это страдание? Да терпеть друг друга: укорили, унизили — поклонись обидчику, но не с внутренним недовольством и мыслью, что придет время, я тебе отомщу. И за все надо чистым сердцем благодарить Бога: «Слава Тебе, Господи, за все!»

Когда придут испытания, надо нам иметь рядом Бога, а не отгонять сейчас Его своим нерадением к духовной жизни. Наоборот, привлекать своим послушанием, смирением, молитвами. Чтобы вокруг нас были Ангелы, чтобы Господь всегда помогал нам, чтобы мы всегда чувствовали Его присутствие. А это будет тогда, когда можно будет сказать, что этот человек терпеливый и послушливый, и молитвенник, когда его оскорбляют, он не ропщет, никогда злом за зло не воздает. Апостол Иоанн Богослов сказал: «*...не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити. И сию заповедь имамы от Него, да любяй Бога любит и брата своего*» (1 Ин. 4, 20-21). Наше отношение к Богу начинается нашим отношением к человеку. Будем жить единой семьей, что Господь посылает — будем терпеть. Как Иисус Христос терпел Иуду, не оскорблял его, не укорял, хотя знал, что он предаст Его, так и мы будем терпеть всякого ближнего. Ведь попускает Бог, чтобы среди нас были и злые люди, и бесноватые — для того, чтобы остальные через них приобретали добродетели, возрастали в вере. Можно, конечно, бросить все, уйти куда-нибудь в уединение, чтобы никого не видеть, чтобы никто не оскорблял и не обижал. Но мы ведь и пришли сюда, чтобы терпеть все.

И все, что с нами случается, посылается Самим Господом. Приходят скорби — от Бога, случаются радости — от Бога... Скорбями Господь нас подвигает к молитве, к плачу, слезам; не радостью, а — слезами, болезнями. Болезни — дар Божий, это не просто наказание. Все надо принимать как от спасительной руки Божией. Без Него ничего не может быть, Господь всем управляет. И попускает искушения, чтобы мы укреплялись в вере, приобретали добродетели.

Призываю вас всех к молитве, прошу и меня не забывать в своих молитвах. Священное Писание говорит: «*Друг друга тяготы носите, и тако и исполните закон Христов*» (Гал. 6, 2).

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцать первое

О угрозах Божиих

Видим угрозы, написанные в Святом Писании, через которые Бог временной и вечной казнью грозит нераскаянным грешникам. Ибо как царь, пекущийся о добром состоянии своего государства, издает полезный указ и в указе объявляет, что должны и чего не должны делать его поданные, а в указе и казнь законопреступникам полагает, сказано: то и то будет преступившим указ, — так и Царь Небесный Господь Бог издал Свой святой и праведный закон всем людям, чтобы они по правилу этого закона жили и себя исправляли, и что Он запрещает, от того уклонялись, а что повелевает, то бы творили. А преступникам закона временную и вечную казнь объявил: *Уже и секира при корне деревьев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь* (Мф. 3, 10). *Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Откр. 21, 8). *Если не обратитесь, Он оружие Свое изощрит, лук Свой Он натянул и приготовил его, и в нем приготовил орудия смерти, стрелы Свои сделал для сожигаемых* (Пс. 7, 13-14). *Низведет Он на грешников сети: огонь и сера, и дух бурный — их доля из чаши* (Пс. 10, 6). *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9-10).

Эти и другие угрозы Божии страшны нам, но они великое человеколюбие Божие нам показывают. Потому что ничто так не обращает грешника к покаянию, как угрозы казней. Через обещание благ зовет нас Бог к Себе и вечному спасению, а через угрозу казни побуждает, понуждает и убеждает. Потому Он грозит грешникам, что не хочет их погубить. Потому и являет гнев Свой, чтобы мы страхом этого гнева себя исправляли и избегали бы вечной казни. Ибо если страх пред земным царем от многого зла нас отвращает, то тем более страх пред Небесным Царем силен отвратить нас от всякого зла и подвигнуть к покаянию, если часто будем рассуждать о праведном гневе Его против греха и о страшных Его угрозах.

Воистину страхом казни, как веревкой, будет связан и удержан человек, и не будет подвижен ни на какое зло. Воистину не захочет грешить, когда перед умными глазами увидит уготованный ему за грех огонь вечный. Воистину память о казни не допустит до казни, а рассуждение о геенне не допустит войти в геенну. Воистину много мы должны Богу нашему, возлюбленные христиане, и за это человеколюбие Его к нам, что Он объявил нам о геенне и прочих казнях. Ибо нас более подвигает к покаянию угроза казни, чем обещание добра, как выше сказано.

Но откройте слух душ ваших и внимайте тому, что хочу вам предложить. Опасно, весьма опасно презирать Божии угрозы и не каяться, и себя не исправлять. Точно знайте и не сомневайтесь, что на самом деле узнает на себе наказание Божие тот, кто презирает Его угрозы. Нет ничего опаснее, как презирать то, чем грозит Бог. Впадет тот в геенну, кто не думает о геенне. Не избежит вечной смерти тот, кто презирает эту смерть. Узнает на себе гнев Божий тот, кто не боится гнева Божиего и не кается. *Бог наш есть огнь поядающий. Страшно впасть в руки Бога Живаго* (Евр. 10, 31)! *Бог порутаем не бывает* (Гал. 6, 7). Что человек сеет, то и пожнет. Подлинно, Бог Милостив и Человеколюбив, но и Праведен, ибо всем воздаст по делам их.

Грешники, вложим в память и затвердим слово сие: опасно презирать Божии угрозы! Грозил Бог прародителям нашим в раю: *смертью умрете в тот час, когда вкусите от заповеданного древа* (Быт. 2, 17).

Преврели это прародители, и смертью умерли. Преврели угрозы Божии жившие во время Ноя нечестивцы — и от всемирного потопа погибли. Преврели содомляне — и огнем сожжены. Презирают и ныне грешники, и погибают. Потоплены в наводнении нечестивые, которые не верили проповеди праведного Ноя о покаянии. Чего ожидать и нынешним нечестивым, ругателям и презирающим Закон Божий? Погрузятся и они в страшнейший потоп вечной погибели. Пожег содомлян огонь с небес за мерзкую нечистоту. Чего чаять и ныне блудникам, прелюбодеям и другим осквернителям, кроме геенского огня, в котором они будут гореть и не сгорать вовеки? Поражены многие израильтяне в пустыне за свои беззакония и не дошли до земли обетованной. То же будет и с беззаконничающими христианами, не будут допущены и они в Царствие Божие. Ибо *вне — псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду* (Откр. 22, 15). И это есть то, что говорит Господь: *если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13, 5).

Грешники! Внимайте этому слову и покайтесь! Страшна временная погибель, но намного страшнее вечная. Итак, убоимся погибели и покаемся, и избежим ее! Убоялись ниневитяне погибели, которая должна была последовать им, покаялись и не впали в погибель, но получили милость от Человеколюбивого Бога. Обратимся и мы всем сердцем к Богу нашему и покаемся, и перестанем нашими грехами Его раздражать, да и милость от Него получим. Аминь.

Краткие советы преподобного Серафима Саровского

Как приобрести и сохранить мир душевный

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *«Проидохом сквозь огнь и воду; и извел еси ны в покой»* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда сами не можем стерпеть и огневицы?

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредотачивать к тому, чтоб получить мир Божий и с Церковью всегда вопиять: *«Господи! Мир даждь нам»* (Ис. 26, 12).

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

И потому оскорбления от других переносить должно равнодушно и приобучаться к такому расположению духа, как бы оскорбления не до нас, а до других касались.

Таковое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью для Самого Бога.

Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по Псаломнику: *«Смятохся и не глаголах»* (Пс. 76, 5).

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

Как хранить свое сердце от зла

Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Притчника: *«Всяцем хранением блюди твое сердце, от сих бо исходища живота»* (Притч. 4, 23).

От всегдашнего хранения сердца рождается в нем чистота, в которой зрится Господь по уверению вечной Истины: *«Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят»* (Мф. 5, 8).

Сердце тогда только кипит, будучи возжигаемо огнем Божественным, когда в нем есть вода живая; когда же сия выльется, то оно охладеет, и человек замерзает.

Когда человек примет что-либо Божественное, то в сердце радуется; а когда — диавольское, то смущается.

Дабы приять и узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, и с верою в Распятого, закрыв телесные очи, погрузить ум в глубь сердца, где вопиять призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа; и тогда по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному находит человек в призываемом имени услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Царственная мученица императрица Александра Феодоровна Романова

Душа растет в скорби

Публикуем отрывки из писем святой страстотерпицы императрицы Александры Феодоровны Романовой, в которых хорошо отражается ее любовь и горячее упование на Бога, выстраданные всею ее жизнью, ее боль за Родину, за невинно погибающих людей. Ее слова живой веры — немалое утешение не только для близких императрицы, но и для всех верующих во все времена.

Не надо падать духом — чем хуже, тем ближе Бог со Своей душевной помощью. Верьте Ему крепко и непоколебимо. Он спасет дорогую нашу многострадальную родину. Он долготерпелив и милостив, не вечно прогневается, но (надо) больше молиться, безропотно, с покорностью — и терпеливо ждать. Есть у Бога ненастье, есть и солнышко; пройдут тучи — проглянет красное «Солнышко». — Сколько мы здесь солнца видим, как оно греет. — Смотрите на природу, душою понимайте ее, и она Вам так много скажет, и утешит. Ужас, что везде творится, скорбишь душою за всех этих невинных страдальцев, но Он лучше знает, почему это нужно. Его пути нам неизвестны — знаем только, что все дороги к Нему ведут. — Жизнь — школа тяжелая, тернистая, но за то там будет мир и тишина и блаженство — туда стремится душа. И Господь услышит молитвы тех, которые уже достигли край иной. За других мучаешься — потом горячо молишься и передаешь их Ему в руки, и Он их сохранит. Он дает силы и утешение, и мир душевный. Знаешь, что все пройдет, и когда нам кажется, что вот уже конец всего, тогда Он покажет Свою безграничную любовь и милосердие.

Те, кто по стопам Спасителя идут, больше страдают.

Здесь все проходит, там — светлая вечность. О, верьте этому! Вы молоды, Вам трудно об этом думать, но раз в жизни пострадаете, найдете в этом утешение. Испытания всем нужны, но надо показать и твердость во всем и все перенести с крепкой верующей душой. Нет таких невзгод, которые бы не проходили. Господь наш это обещал в Своем безконечном милосердии, и мы знаем, какое непостижимое блаженство Он готовит любящим Его. Помоги Он всем перенести с такой покорностью Его святую волю... «Не все на небе будет ночь, авось и солнышко проглянет». Его дорога оставлена, чтобы нам идти, путь тернистый, но Он его перед нами прошел, — пусть и крест наш так же, как Он, понесем. Не умею писать, но молюсь горячо, да облегчит Он Вам Ваши страдания за других, да утешит и подкрепит Он Вас. Помните, как Ваш любимый Отец все жестокости и несправедливости перенес... Да, иногда жизнь, здоровье не выносят, а дух должен. Вы меня хорошо знаете и понимаете мое искреннее желание помочь Вам. Люди плохи, и Он наказывает, наказывает примером. Царство зла теперь на земле. Но Он выше всего, Он все может повернуть к лучшему. Увидим еще лучшие дни. Вы молоды, увидите еще другое, не будьте малодушным. У кого совесть чиста, тот и клевету, и несправедливость легче переносит. Не для себя мы живем, а для других, для Родины.

Многое еще перенести придется. Плохие не станут лучше, но зато есть где-то хорошие, но, конечно, слабые «капли в море», как Вы их называете, но все вместе могут быть со временем поток очищающей воды и смоют всю грязь.

Во всем воля Божия, чем глубже смотришь, тем яснее понимаешь. Ведь скорби для спасения посланы. Здесь оплачиваем наши грехи, и дана нам возможность исправиться; иногда попускается для измерения смирения и веры, иной раз для примера другим. А из этого надо себе выгоды искать и душевно расти.

Не надо падать духом — чем хуже, тем ближе Бог со Своей душевной помощью. Верьте Ему крепко и непоколебимо.

Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь.

Полезны тяжелые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других, и не будучи в возможности им помочь. Очень много Евангелие и Библию читаю, так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение с ними потом читать все то, что именно составляет нашу духовную пищу. И каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю из них. Там никакой фальши. Вы когда-нибудь читали письма Иоанна Златоуста к диаконисе Олимпиаде? Я их теперь опять начала читать. Такая глубина в них, наверное, Вам понравились бы. Мои хорошие книги мне очень помогают. Нахожу в них ответы на многое. Они силы дают, утешение и для уроков с детьми. Они много глубоко понимают — душа растет в скорби. Вы это сами знаете.

Надо Бога вечно благодарить за все, что дал, а если и отнял, то, может быть, если без ропота все переносить, будет еще светлее. Всегда надо надеяться. Господь так велик, и надо только молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Но тогда, когда все кажется так плохо, что хуже не может быть, Он милость Свою покажет и спасет все. Как и что, это только одному Ему известно... Хотя тьма и мрак теперь, но солнце ярко светит в природе и дает надежду на что-то лучшее. Вы видите, мы веру не потеряли, и надеюсь никогда не потерять, она одна силы дает, крепость духа, чтобы все перенести. И за все надо благодарить, ведь могло бы быть гораздо хуже... Не правда ли? Пока живы и мы с нашими вместе — маленькая крепко связанная семья.

Вот видите, как Господь велик. А вспомните тех других[1], о, Боже, как за них страдаем, что они переживают, невинные... Венец им будет от Господа. Перед ними хочется на коленях стоять, что за нас страдают, а мы помочь не можем, даже словом. Это тяжелее всего. Больно за них, но и для них, я верю крепко, будет еще хорошее (*мзда многа на небесах*) и здесь еще. Но здоровье у них уже не то будет, а души у них растут, и Он им силы даст крест нести.

Тяжело быть отрезанной от дорогих после того, что привыкла знать каждую мысль. Благодарю за всю твою любовь, как хотела бы быть вместе, но Бог лучше знает. Учишься теперь не иметь никаких личных желаний. Господь милосерд и не оставит тех, кто на Него уповает.

Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка и люблю мою Родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!... Страданье со всех сторон. Сколько времени никаких известий от моих родных. А здесь разлука с дорогими. Но удивительный душевный мир, безконечная вера, данная Господом, и потому всегда надеюсь. И мы тоже свидимся — с нашей любовью, которая ломает стены.

[1] Государыня говорит о томящихся в тюрьмах русских людях, почитаемых новой властью «врагами русского народа».

Дорогое мое дитя, мы никогда не расстались, все простили друг другу, и только любим.

Вспоминаю прошлое. Надо смотреть на все спокойнее. Что можно сделать? Если Он (Господь) посылает нам такие испытания, то очевидно Он считает нас достаточно подготовленными для них. Это своего рода экзамен — надо показать, что мы не напрасно через них прошли. Во всем есть свое хорошее и полезное, каковы бы ни были наши страдания — пусть будет так, Он пошлет нам силы и терпение и не оставит нас. Он милостив. Только надо безропотно преклониться перед Его волей и ждать — там, на другой стороне, Он готовит для всех, кто Его любить, несказанную радость. Вы молоды, как и Ваши дети, — как много их у меня, помимо моих собственных, — Вы увидите и настанет ясное и безоблачное небо. Но гроза еще не прошла и поэтому так душно, но я знаю, что потом будет лучше. Надо только иметь немного терпения — разве это так уж трудно? Я благодарю Бога за каждый день.

Твой крестный путь принесет тебе небесные награды, родная, там будешь по воздуху ходить, окруженная розами и лилиями. Душа выросла — то что раньше стоило тебе один день мученья, теперь год терпишь и силы не ослабели. Через крест к славе, все слезы тобою пролитые, блестят как алмазы на ризе Божией Матери; ничего не теряется, хорошее и плохое, все написано в книге жизни каждого; за все твои мученья и испытания Бог тебя особенно благословит и наградит. «*Кто душу свою положит за друзей своих*». — Да, моя маленькая мученица, это все в пользу тебе. Бог попустил эту страшную ругань, клевету, мучения — физические и моральные, которые ты перенесла. Мы никогда не можем отблагодарить за все, лишь в молит-

У кого совесть чиста, тот и клевету, и несправедливость легче переносит. Не для себя мы живем, а для других, для Родины.

Душа выросла — то что раньше стоило тебе один день мученья, теперь год терпишь и силы не ослабели. Через крест к славе, все слезы тобою пролитые, блестят как алмазы на ризе Божией Матери; ничего не теряется.

вах, чтобы Он и впредь тебя сохранил и охранил от всего. Дорога к нему одна, но в этой одной масса других, — и все стремимся дойти до пристани спасенья и к вечному свету. А те, кто по стопам Спасителя идут, те больше страдают. Избранные крестоносцы... Господь скорее слышит молитвы тех, кто перестрадал, но веру не потерял. Не вспоминай все больное, но лучи солнца, которые Он посылает. Понимаю, как тебе хочется увидеть лес, поближе быть к просыпающейся природе, она одна не попорчена людьми.

Скучаю без церкви, много тяжелого впереди, но Господь милостив, не отступит от любящих Его, не попустит больше, чем силы могут вынести.

Когда так тяжело на сердце, Вам безумно грустно — не унывайте, помните, что есть душа, которая Вас лучше понимает, чем Вы сами знаете, и которая крепко, крепко ежедневно Бога за Вас молит. Вы не одни — не бойтесь жить, Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Идите прямо Вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимайтесь и снова идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и Ваша жизнь покажется Вам не так черна как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь.

Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения.

Да благословит и хранит Вас Господь Бог на всех путях, и да даст Он Вам внутренний мир и тишину.

Много все пережили, но Господь Своей милостью не оставит Своих овец погибнуть. Он пришел в мир, чтобы Своих в одно стадо собрать, и Сам Всевышний охраняет их. Душевную связь между ними никто не отнимет, и свои своих везде узнают. Господь их направит, куда им нужно идти. Промысл Божий недостижим человеческому уму. Да осенит нас Премудрость, да войдет и воцарится в душах наших, и да научимся через нее понимать, хотя говорим на разных языках, но одним Духом. Дух свободен. Господь ему хозяин; душа так полна, так живо трепещет от близости Бога, Который невидимо окружает Своим присутствием. Как будто все святые угодники Божии особенно близки и незримо готовят душу к встрече Спасителя мира.

Жених грядет, приготовимся Его встречать: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты, — все суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у св. угодников, не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему на встречу! Он за нас грешных страдает, принесем Ему нашу любовь, веру, надежду, души наши. Упадем ниц перед Его пречистым образом, поклонимся Ему и попросим за нас и за весь мир прощенье, за тех, кто забывает молиться, и за всех. Да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побежим Ему навстречу, радостно откроем наши души. Грядет Он, Царь славы, покланяемся Его кресту, и понесем с Ним тяжесть креста.

Не чувствуешь ли Его помощь, поддержки несения твоего креста. Невидимо Его рука поддерживает твой крест, на все у Него силы хватит; наши кресты только тень Его креста. Он воскреснет скоро, скоро и соберет Своих вокруг Себя, и спасет Родину, ярким солнцем озарит ее. Он щедр и милостив.

Как тебе дать почувствовать, чем озарена моя душа? Непонятной, необъяснимой радостью, — объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа моя и дух Богу принадлежат. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала после причастия или у святых икон. Как Тебя, Боже, благодарить? Я недостойна такой милости. О Боже, помоги мне не потерять, что Ты даешь! Душа ликует, чувствует приближение Жениха: грядет Он, скоро будем Его славить и петь: «Христос воскресе».

Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает.

«ПИСЬМА СВЯТЫХ ЦАРСТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ»

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 23

Из воспоминаний иеромонаха Мардария

(часть 2)

У нас в монастыре жил схиеродиакон Исаакий – старичок. Он знал еще тех братий, которые подвизались в Лавре до первых (послереволюционных) гонений, и после закрытия монастыря уехали на Кавказ. У него было сильное желание тоже уехать туда – он любил тишину и безмолвие, а Лавра наша была шумная и многолюдная. К тому же отцу Исаакию приходилось нести суетное послушание – водить по пещерам экскурсии. Сам он к наместнику со своим вопросом подойти боялся – и вот, бывало, придет ко мне и начнет жаловаться и просить, чтобы я с владыкой за него поговорил. Ну, а как я могу?.. Утешаю его, как могу, но он никак не успокаивается: «Мне безмолвие нужно. Душа моя томится, хочу на Кавказе умереть». Потом прошло какое-то время, он все-таки выпросил благословение у благочинного и уехал, никому ничего не сказав...

И вот у меня загорелось – Исаакий ушел, мне тоже хочется, я ж безмолвие с самого детства любил. А тут ко владыке в келейники попал – какая суета! И еще. Владыка часто уезжает по делам, я остаюсь один. Все открыто – ценности, деньги... а мне – ноль внимания, мне – книжки. Библиотека какая у владыки! Как открою – там жития святых, Добротолюбие, патерики, святоотеческие творения... И я начал: ай, пустынники!.. Антоний Великий, Макарий Великий, Ефрем Сирин, Иоанн Лествичник!.. Как начитаюсь – все... Думаю: «Сколько буду терпеть?» Ведь ко владыке народ без конца идет – на прием, на прием, на прием... Я с утра до вечера кручусь – идут и государственные представители, и священство, и братия, и нищие все... надо принимать, докладывать владыке... И клиросное послушание у меня – вечером я должен на клирос идти, каноны читать, канонаршить, петь. К тому же молодой был, а в Лавре кого только нет – туристы, молодежь, все на экскурсию идут. Ну, в общем, я тоже хотел уйти. Желание у меня было – в пустыню. Пошел к духовнику. Тот выслушал и строго так сказал: «Не вздумай! Оставайся – никуда! Иначе будешь скорбеть очень сильно». И я остался.

А я ни разу не был в отпуске. Лет, наверное, семь так прожил.

Подхожу к владыке:

– Владыка, благословите мне отпуск – много лет уже не брал.

– Отпуск? Ну, хорошо. На сколько?

– На две недели.

– А куда?

– На Кавказ.

Он посмотрел на меня... Не знаю уж, что подумал. Наверное: «Что за интерес такой к Кавказу? Вот и Исаакий удрал на Кавказ... Не думай, что это случайно...»

А я взял и... ну, тоже ж – сообразил!.. я же на клиросе пел, и ирмос второго гласа «процвела есть пустыня яко крин, Господи..., в ней же утвердися мое сердце» написал и приклеил на стенке. И в отпуск ушел. Другой келейник пришел на время, прочитал – и к владыке:

– Владыка, иди-ка, посмотри, что там Мардарий написал.

Владыка посмотрел: «Процвела есть пустыня яко крин Господи..., в ней же утвердися мое сердце». Владыка: «Ну, все! Наверное, удрал совсем. Ох, если удрал как Исаакий, что мне вообще будет?» – ведь когда ушел Исаакий, там целое дело было – наместнику нашему крепко досталось от митрополита Киевского Иоанна...[1]

– Ну, – говорит, – пусть только Мардарий..., – а я уже в постриге был, – пусть только он попробует не вернуться вовремя!..

А я, значит, что? Приезжаю в Сухуми. Спрашиваю: «Где тут пустынники?» В соборе мне сказали: «На Сухой речке».

Разыскал. Онисифор, Пахомий. Старца застал прозорливого Пахомия. А иеродиакон Онисифор – с нашей Лавры, певец первый голос был, незаменимый. Тоже ушел, но это еще намного раньше, когда революция была. Может, не революция, чуть позже, не помню, когда закрыли монастырь после революции. До Великой Отечественной войны еще. И вот Онисифор увидел меня, обрадовался: «Из Лавры?! Ну, давай, расскажи: как там? Я ж сколько лет там прожил! На клиросе пел... А что ты приехал?»

– Я хотел бы остаться у вас в пустыне.

– Совсем?

– Да, совсем.

– А благословение?

– Благословение пока не получил.

– Ну, хорошо. Пойдем к прозорливому старцу Пахомию, он на тебя посмотрит.

А там рядом, в пяти минутах ходьбы, келья его стоит. Пришли, я поклонился, взял благословение. Старичок восьмидесятилетний. Онисифор про меня немножко рассказал. Пахомий говорит:

– Чадо, все хорошо, мы приняли бы, ты молодой, нам помощь нужна. Мы старенькие уже, – они действительно старенькие, там

---

[1] Более подробный рассказ отца Мардария об этом эпизоде помещен в беседе монаха Константина «О современном монашестве», часть 7, на стр. 19 *(прим. ред.)*.

Христофор жил, и Сергий там жил, человек пять их там жило. – Мы не против. Но, знаешь, чадо, еще на годик... Возвращайся сейчас пока в монастырь, не время тебе сюда, а через годик ты приедешь.

Духом провидел – через год в 1961-м году нашу Лавру закрыли.

...И вот отпуск у меня кончается, приезжаю я в Лавру. Являюсь к владыке, он говорит:

– Если б еще на день опоздал, я б на тебя рапорт написал как на Исаакия. Десятого числа преподобного Антония праздник большой[2], канонаршить надо... – певцов в хоре много, а канонархов и чтецов мало было. – Вот если б как Исаакий...

– Нет-нет, владыка, я ничего... – сделал вид, как будто ничего не знаю.

– А это что на стенке написано?

– Это ирмос второго гласа, который на клиросе поют.

Он улыбнулся:

– Все понятно. Хорошо, что успел, а то был бы тебе «ирмос».

Прошло немного времени – год, наверное, или чуть больше – снова начались гонения. Нашу Лавру закрыли, Глинскую пустынь закрыли, другие монастыри. Многие тогда уехали на Кавказ. В Грузии в то время патриарх Ефрем был. Ну, приняли их, как боголюбивых русских подвижников – с уважением. Зиновия даже рукоположили в митрополита, в Александро-Невском соборе служил. И Андроник Глинский там же. А отец Серафим (Романцов) был поставлен как духовник на весь Сухум. И кто идет в пустыню, должны к нему обращаться. Мало ли, что получили благословение где-то в другом месте, а вдруг что не так – старец должен проверить, благословение свое дать.

И вот прихожу я в собор. А еще не знал, где отца Серафима можно найти, поэтому – сразу в церковь, и стою, молюсь. Потом спрашиваю у одних:

– А где здесь батюшка Серафим?

Они мне говорят:

– Подожди... мы сейчас как раз туда идем. Мы паломники в его доме, он нас принял. И тебя подведем.

После службы батюшку посадили в машину и повезли, а мы с рабами Божиими пошли пешком.

Пришли. И вот увидел я старца. Высокий, седой. Действительно, как один от древнейших...

– Ну, откуда?

– Батюшка, с Киево-Печерской Лавры. Монастырь сейчас закрыли. А я давно желал, в Лавре даже желание это было – в пустыню.

– Сильно желаешь?

– Да, батюшка, сильно, и уже давно.

– Ну, хорошо. Вот там в горах живут Кассиан, Меркурий, Ахилла, Виталий и прочие. Направляю тебя к Кассиану – он там главный – чтоб они тебя приняли.

И как раз проводник попадается. Батюшка говорит: «Вот тут люди будут идти на озеро, пойдешь с ними, – туда, где матушка Ангелина жила. – А там уже приходят с гор братия, встретишься с ними».[3]

Старая ореховая роща близ озера Амткел. Фото 2006 г.

Пришли мы на озеро. Как раз Петровым постом, перед праздником Петра и Павла. Кончился пост, я там матушке Ангелине с огородом помогаю... И вот идут: Пимен (тогда он Петр был), Кассиан, Меркурий – спускаются.

---

[2] 10 (23) июля – память преподобного Антония Печерского, начальника всех русских монахов *(прим. ред.)*.

[3] Для того чтобы было понятно, как проходило жительство в пустыни и осуществлялась доставка продуктов братии, нужно рассказать следующее. Братия ходили, искали место для келий. Нашли они место далеко за озером, по речке – там была небольшая равнинка, на которой они поселились. Потом через некоторое время нашли еще одну равнинку, на расстоянии примерно полтора-два километра по азимуту – ну, а по речке это идти нужно было часа полтора примерно. Но поскольку по речке можно было ходить только в то время, когда была маленькая вода, то в большинстве случаев ходили через горы. Это требовало большой физической силы и много времени. Если выйти со второй поляны и дойти до селения, то можно было потратить целый день. А в осеннее и весеннее время не хватало даже светового дня, чтобы дойти до селения. Потому – конечно, по Промыслу Божию – так получилось, что недалеко от озера образовался как бы женский скит, но скитом его не называли, а говорили просто «приозерные» матушки – монахини. Они были из разных монастырей – в основном, пожилые, хотя были среди них и молодые. Их было человек пять-шесть. А Ангелина – это была сначала странница. Потом ее постригли, и тот, кто ее постриг, духовник из Псково-Печерского монастыря, направил ее в пустыню, чтобы она уже вела постоянный образ жизни. В монашестве она была Ангелина, а в схиме Афанасия. Ангелина жила недалеко от речки и от озера – это было место, где жили когда-то армяне. В 1915 году они переселились в селение, а это свое жилище, свою территорию продали монахам, и там остался их дом. Потом лесхоз в советское время сажал там орехи. И сейчас там растут грецкие орехи, но они уже засыхают. И вот на этой небольшой равнинке, как говорят, около «Ангелининой речки», жили эти матушки. Их кельи были разбросаны по разным местам – примерно шесть-семь келий. «Скит» приозерных монахинь был облегчением братии в том плане, что они, когда выходили со второй поляны, то приходили сюда к вечеру, ночевали в одной из келий, матушки их кормили. Как бы гостиница, перевалочный пункт такой, где можно было переночевать. Потом кто шел в город, если была необходимость, а кто брал продукты и возвращался обратно в келию. К матушкам приходили благодетели из Сухуми – женщины и мужчины, и приносили продукты от автобуса. А братия спускались с гор, брали и носили к себе в келии. В город сами они почти не выходили, потому что тогда ведь были хрущевские времена, и все «бородатые личности», которые появлялись на улицах города, привлекали к себе внимание. К ним подходили блюстители порядка, спрашивали документы и сажали в КПЗ. Тридцать суток отсидел, потом заводили дело «за тунеядство», «пришивали» статью и отправляли в тюрьму. По этой причине братия в городе почти не появлялись – дальше келий приозерных матушек они старались не ходить *(прим. монаха-пустынника К.)*.

– Кто ты? Откуда?

– Вот так, – говорю, – иеромонах Мардарий. Из Киево-Печерской Лавры. Лавру сейчас закрыли...

– Иеромонах? Отлично! Мы тебя забираем к себе, у нас служить некому. Церковь есть, а служить некому, – в то время у них со священниками сложности были. Батюшка Анемподист служил некоторое время, но потом, по смирению, отказался: «Братия, простите, я не буду. Считайте меня, как последнего послушника, ищите себе иеромонаха».

И вот они ко мне. Я говорю:

– Ну, подождите, дорогие... мне тоже хочется безмолвствовать. Я служить буду ходить, но жить я желаю пока отдельно, да и потом посмотрю. А здесь есть где-нибудь недалеко свободная келия?

Они показали мне келию. Там хорошая келейка была пустая. Кассиан говорит Петру:

– Отведи Мардария туда. Если один не боится жить, пусть поселяется там.

Привели. И так вот началось мое пустынное житие... Правда, не без искушений. Первое время такие страхования пошли – ужас один! Но думаю: «Ничего, я ж читал в книжках, что такое может быть». Петр через несколько дней приходит: «Ну, как ты здесь?» Говорю: «Трудновато. Враг не дает покоя ночью». А я ведь молодой – что мне? Днем посплю, а ночью надо молиться – спать буду, что ли?

– Да ты не бойся, все мы поначалу такое бесовское наваждение испытываем.

Ничего, обвыкся. Хорошо хоть, что братья были близко.

А там – целое братство, все они жили недалеко друг от друга. И Виталий там жил... Ему сказали: «Виталий, Мардарий приехал». И вот мы с ним увиделись... Радости-то было!.. Он упал мне в ноги. Я:

– Что ты, что ты, отец Виталий?!

– Вот, Мардарий... сколько лет не виделись с тобой...

Говорю:

– Отец Виталий, дорогой, Лавру нашу закрыли, я теперь на постоянно сюда приехал. Есть благословение здесь жить. Батюшка Серафим благословил.

– О, хорошо, хорошо!

Так год или два я там прожил.

И вот однажды братия приходят за мной, зовут: «Мардарий, на Троицу на службу приходи». Сначала я ведь не служил, жил в той пустой келии, где они показали. Потом год, второй... А они видят – никого нет. Варсонофий отказывается, Амвросий ушел, батюшка Анемподист не хочет. И тут Виталий и Ахилла за мной приходят.

Архимандрит Ахилла, в схиме Феодосий (Орлов; † 2003)

А у Виталия в то время какая скорбь была!.. Он инок был. А монашеский постриг батюшка Серафим никак ему не давал, смирял: «Даже и не спрашивай! Я знаю, когда тебя постричь. И не подходи!»[4]

Как же бедный Виталий скорбел! И ко всему прочему незадолго до Троицы с ним случилась беда. Он пошел в селение, а речка поднялась, потому что летний сезон уже наступил – перед Троицей как раз снег на горах тает. Надо переходить в брод, а там воды по пояс, да он еще с ношей. Как до середины реки дошел, его и понесло течением.

– Господи, погибаю! Матерь Божия, спаси меня! – а там вода крутит.

Один, никого рядом нет... Он – до берега. Рюкзак как-то сбросил, чтоб не тянул. Рюкзак унесло. А он выкарабкался с Божией помощью, просто чудом.

– Ой, слава Богу, живой еще остался!.. Ну, все теперь. Теперь, батюшка, как хочешь, а я монашество буду принимать... Я ж хочу умереть монахом.

И вот меня на Троицу призвали туда на поляну служить. Я пришел как раз перед Троицкой поминальной субботой. Кончилась служба, вызывает меня Виталий на одиночку. Бледный после воды этой... он ведь и так весь болезненный был.

– Отец Мардарий, у меня сильная скорбь. Раз ты прибыл сюда, помоги мне.

– Отченька, если смогу, конечно, помогу. Какая?

Он все рассказал, как чуть не утонул, и за постриг, что никак батюшка не соглашается.

– Вот, Мардарий, все теперь. Ты не бойся, я хочу пострига.

– Ну, а как?

– Хочу тайный постриг получить от тебя.

– А батюшка как? Отец Серафим? Как это?

– Это тайно будет. Ты только не бойся. Я все беру на себя. Ты только постриг соверши.[5]

– Хорошо, давай соберем всю братию. Отцы Ахилла, Мерку-

---

[4] Один из братьев-старожилов, подвизавшихся вместе с отцом Виталием, рассказывал, что отец Серафим однажды назначил отцу Виталию время пострига в селении Георгиевка и велел ему прийти туда в определенный день. Виталий пошел напрямик через горы, заблудился и не попал в назначенный срок. Таким образом, постриг не совершился. Отец Серафим отнесся к этому очень строго: «Ах так – если ты не выполнил послушание, вот теперь жди». И в качестве епитимии отсрочил ему постриг на долгое время. Отец Виталий, конечно, сильно скорбел, считая, по-видимому, что только его оплошность, его невнимательность помешали совершиться постригу *(прим. монаха-пустынника К.)*.

[5] Дело в том, что отец Виталий был болезненным еще с юности – у него был туберкулез с кровохарканием. А тут, когда упал в реку и дополнительно застудился, возникла смертельная опасность: ведь когда туберкулез принимает тяжелую форму, кровь идет горлом – она может не остановиться и человек рискует просто захлебнуться. Потому отец Виталий, чувствуя всю серьезность своего положения, решился на такой последний шаг *(прим. монаха-пустынника К.)*.

рий, Кассиан, Петр, Василий-схимник, чтобы сообща обсудить и решить это дело. Раз постриг, братия все ж будут знать.

Схиархимандрит Серафим (Романцов; † 1976)

Он говорит: «Я согласен».

– Виталий, но только не подведешь?

– Нет, – говорит, – нисколько виноват не будешь.

И вот на Троицу все сошлись, много было братии. Отслужили службу. После литургии собрались, Кассиан говорит: «Ну, что ж? Батюшка уже сколько лет тянет... человек вот, смотри – больной, умереть ведь может... а каждому хочется монашество, все-таки благодать какая». Ну и решили – постричь тайно. А подводить? Меркурий был мантийный. Кассиан еще не был постриженный. Ахилла, правда, был... но Меркурия как бы избрал Виталий. Они как-то по духу сходились. И все – на Троицу постриг. О!.. а ему-то!.. Боженька!.. он как на небе! И ему семь дней по уставу в церкви находиться. А ему это самое и нужно, он бы совсем там жил. Свечки ставит, да один там молится. Ну, на службу приходим, потом расходимся, а он там пребывает семь дней...

При постриге отцу Виталию дали имя Венедикт. Я не от себя дал, братию спросил: «Как, братия, назначите?» Ахилла открыл календарь и начал по святцам смотреть. «Вот, Венедикт» – этот святой состоит в лике преподобных. И назвали: «Венедикт». А ему такое имя, кажется, и шло – что-то схожее было у него с жизнью преподобного Венедикта – Виталий же и как уставщик был, и певчий, и миссионер, и духовник.

Ну, все – постригли. Все хорошо. Семь дней уже вышло. Братия решают: «Теперь у нас будет выход на озеро».

А раз Виталия постригли, значит, каждый в свои грамáтки (помянники) записал «монах Венедикт» – когда служба, поминают.

Прошло некоторое время. И вот один из братии, Петр, как-то раз оставил свою граматку в приозерной келье, где служились службы.[6] Положил на окно: мол, завтра надо будет опять поминать, заберу, когда буду идти к себе. А одна из сестер, N., – такая проныра – заходит, видит его граматка: «А ну-ка, посмотрю, что там у него... записал он меня или нет?» Смотрит – она записана, и все-все братия: Кассиан, Ахилла, Меркурий – все-все... и – монах Венедикт. Она: «Что такое? А кто такой у нас монах Венедикт? Я ведь такая – всех знаю, кто ни придет», – через нее идут все люди. Ладно... И положила граматку назад. Приходит Петр. Она:

– Отец Петр, это ваша граматка?

– Да, а что ты хотела в моей граматке?

– Да я просто посмотрела, записал ты меня или нет. А кто у вас Венедиктом записанный?

– А тебе какое дело? – он растерялся, это ж тайна... ой, Боже!.. – Где?

– А вот, в граматке написано.

– Да это... это... – ну, в общем, начал ей «смазывать».

А она – ну такая проныра!

– Нет, кто-то у вас живет тайно... мы не знаем... А как? Мы должны знать, продукты ж надо носить.

Пошло дело... Сколько-то времени прошло – неделя, наверное, – братья забрали ноши, пошли по речке. А она поехала в город – батюшка велел, потому что благодетели продукты везут к нему, и их надо переправлять на озеро. Пришла N. до батюшки, взяла благословение, побеседовали.

Батюшка спрашивает:

– Ну, как у вас там дела?

– Да только что братия были, все забрали.

– Хорошо. Вот еще давай, бери. Нагружайте – на автобус и везите, чтобы все было у них обезпечено.

А потом она не вытерпела:

– Батюшка, я там у Петра взяла граматку, посмотрела, а там какой-то монах Венедикт у них новый появился. Откуда, мы не знаем. К нам не приходит. Может тайный какой-то?

Батюшка: «Монах Венедикт? Как без моего благословения мог монах там появиться? У меня только благословляются, а больше никто не имеет права. Кассиан без благословения не примет никого». И батюшка сразу: «Не Виталий ли там натворил чего?» – ну, догадался духом.

– А ну-ка, слушай. Вот бери продукты и езжай. И как только придут братья, скажи Виталию, пусть ко мне приедет. Скажи, батюшка зовет.

Приходят с гор братия. Они же тогда носили ноши, это как раз сезон был – через неделю, и опять идут. Пришли к матушкам – Виталий, и все остальные. N. и говорит:

– Отец Виталий, я была в Сухуми, от батюшки привезла продуктов вам. Батюшка просит тебя, чтоб ты пришел.

Виталий, конечно, почувствовал, что что-то будет. Но уже только молится: «Господи, помилуй!» Приезжает. Взял благословение и – бух в ноги батюшке. Раз, два, три... Батюшка:

– Ну-ну, все хорошо, все хорошо, садись. Как вы там подвизаетесь?

---

[6] В числе других приозерных келий была одна как бы тайная келия, спрятанная между огромными камнями. В этой келии иногда служились литургии, потому что нужно было причащать матушек. Приходили священники из города, приходили и свои братья-иеромонахи, и время от времени там совершались службы *(прим. монаха-пустынника К.)*.

– Да, батюшка, вашими святыми молитвами. Все хорошо, все благополучно.

– А что у вас там за Венедикт появился – новый монах какой-то? Я не знаю его...

Виталий – что?.. Обманывать же нельзя. «Господи, помилуй!» Сидит. Батюшка смотрит – начал меняться в лице Виталий.

– Что это такое с тобой случилось? Почему не отвечаешь? Какой Венедикт, откуда он взялся? А ну отвечай! – строго уже начал.

А он опять – в ноги бух:

– Батюшка, простите!

– Что «простите»?!

– Это я постриг принял.

– Какой постриг? Откуда? Кто благословил? Кто постригал?

Ну, все – поехало!

– Батюшка, простите!.. Простите!..

Да куда там!..

– Ты такой, что только и знаешь «простите»! Что ты натворил? Кто благословлял? Я тебя не благословлял. Кто постриг? Мардарий? А кто благословлял Мардария постричь тебя?

Пошло дело. А я знал, чувствовал, что это рано или поздно откроется.

Батюшка: «Не признаю тебя как монаха ни при каком условии! Виталий был и Виталий есть. Все, свободен – езжай в пустыню». У Виталия скорбь!.. Что делать? Он тогда сразу к отцу Андронику в Тбилиси. Приехал, плачет:

– Батюшка, вот такое случилось...

– Что?

– Вот так постриг принял.

– А кто постригал?

– Мардарий.

– Мардарий? Я его знаю, он у меня в келии ночевал, хороший, келейником был у владыки Нестора в Лавре, все это известно. Ну и что?

– Он постриг.

– А как?

– Вот так получилось, что без благословения отца Серафима. Я сколько лет просил батюшку – он все ни в какую. А у меня легкие больные, кровь горлом идет, еле прям живу... хочется в мантии умереть.

– Все будет хорошо, не безпокойся. На днях я поеду в Сухуми к батюшке Серафиму, поговорю с ним. Все наладится, не переживай.

Приезжает батюшка Андроник к отцу Серафиму. Побеседовали они, а потом отец Серафим говорит:

– Отец Андроник, знаешь, что Виталий натворил? Самочинно постриг принял!

А Андроник это все уже знает:

– Ладно уж, батюшка, не будем вспоминать. Раз принял – значит,

Схимгумен Андроник (Лукаш; † 1974)

ладно уже... ну что теперь. Это если бы провинился, – а монашество вообще не снимается: хоть за провинность, хоть за смертные грехи, только епитимию дают, а постриг (схима, монашество) не снимается, только сан снимается, если смертные грехи.

– Прости его, батюшка, он будет подвизаться. Он послушный. Куда еще? Пускай остается.

Так утешил он батюшку Серафима. Тот: «Ну, ладно...»

Вызывает тогда Венедикта-Виталия и говорит:

– Ладно, все. Раз такое дело, прощаю тебя.

Но не успокоился на том: «Мардария знаю, он у Андроника в келии ночевал. Ко мне обращался. Послушный тогда еще был, не преступал. Но сколько времени прошло. А, может, он под запрещением был? Вот я буду в Чернигов ехать (у батюшки там было много духовных чад), узнаю у владыки...» – а владыку моего, когда закрыли Лавру, перевели в Чернигов.

Уже батюшка пошел на то, чтобы признать постриг. Ну, раз совершилось, что ж теперь сделаешь, не будешь же снимать. За что снимать – он же не провинился. А раз совершилось – значит, совершилось. Едет в Чернигов к владыке моему.

– Владыка, это ваш келейник Мардарий?

– Да.

– Иеромонах?

– Иеромонах.

– Он не был под запрещением у вас? – хотел батюшка найти что-нибудь.

Владыка говорит:

– Он у меня такой келейник был – я ему все доверял.

– Вот он одного брата постриг без благословения.

– Ну, что ж... если уж такое случилось... а так никаких запрещений.

Привозит батюшка Серафим из Чернигова бумагу: «Не был под запрещением, все хорошо...» – послужной список, специальный такой документ. Присылает в пустыню: «Передайте Мардарию...» Ну, слава Богу!.. С тех пор все наладилось.

Вот так совершился постриг, и пошел Виталий Венедиктом. Тот уж рад был!.. Подвиги пошли, хотя он и так подвижник-аскет...

Ну, а отец Серафим смирял его довольно жестко, чтобы не дать повода к возношению и самомнению. Хотя уже сам постриг был отцу Виталию поводом к величайшему смирению – что он якобы принял его своевольно. Это было для него сильным смиряющим обстоятельством на многие годы, пока он не принял великую схиму – память того, что он все-таки «своевольник». Господь все устроил вот таким образом: с одной стороны устрашил его смертью, а с другой – старцем. Как бы меж двух огней оказался Виталий. Но думается, что в этом совершился Промысл Божий для его вящего смирения. Ну, а дальше мы можем только предполагать, потому что это остается тайной, которая откроется только в день оный Всеобщего Воскресения.

Блаженной памяти схимитрополита Серафима посвящается

В память вечную будет праведник

Слово преосвященного Никона, епископа Липецкого и Елецкого, сказанное на панихиде по схимитрополиту Серафиму (Мажуга) 7 марта 2007 года

Царство Небесное, место покойное ныне приснопоминаемому схимитрополиту Серафиму. Господь Бог ублажит его и упокоит, а нас помилует.

«В память вечную будет праведник» (Пс. 111, 6). О праведнике всегда помнят, даже если он и не прославлен Церковью, а когда его Господь прославит, то сколько существует Церковь, столько он и будет от людей прославляем, почитаем.

Счастливы родители, которые имели такого сына. Сын прославился и, где бы его ни поминали, всегда поминают и его родителей. Родителями схимитрополита Серафима были Иоаким и Феодосия.

Схимитрополит Серафим очень многих призвал и привел к Богу своей жизнью, своим терпением, своим послушанием. Он жил в послушании. Ради этого послушания Господь так его прославил: имея четыре класса образования, он — митрополит и не просто митрополит, а великий духовный старец, которому Господь дал такую благодать видеть всех внутренними очами. Он не старался, хотя ему было многое открыто, кого-то обличать или наставлять. Он молился за всех. По его молитве Господь собрал множество духовных чад — к нему приезжали со всех концов России, лишь бы только взять благословение. И меня Господь сподобил также посещать его 11 лет, и те годы были самыми счастливыми.

Когда я встречался с владыкой Зиновием (в схиме — Серафимом), то уходили все проблемы, вся тягота, все болезни, становилось очень легко. Он никогда не делал мне подарки, но всегда давал большую служебную просфору. Когда я привозил на свой приход от владыки просфору, то мы ее делили каждому по кусочку. И все становились кроткими как овечки, переставали браниться, спорить друг с другом, и ревность куда-то исчезала. К сожалению, через несколько дней опять наступала обыденная жизнь со всеми своими проблемами и неурядицами. И чувствовал я — опять надо ехать к стариам. Иной раз через месяц, иной раз через полтора летал я в Тбилиси. Всякие были трудности и усталость, но, возвращаясь к воскресной службе, я чувствовал, как легко было служить. Особую благодать от владыки Зиновия, от отца Виталия ощущали все присутствующие в храме.

Владыка всегда был рад, когда я к нему приезжал. И когда я звонил, прося: «Благословите приехать к вам» (а летом раньше на самолеты купить билеты было очень трудно) — он говорил: «Бог благословит, отец Никон» — и билеты сразу находились, и дорога была легкой и спокойной. Слава Богу, никогда не случалось ни аварий, никаких проблем в дороге.

Родился митрополит Зиновий (в миру Захария Иоакимович Мажуга) 14 сентября 1896 года в городе Глухове Черниговской губернии (ныне Сумская область) в семье рабочего. В святом крещении его нарекли Захарией. Жизнь его была трудна с самого детства. В возрасте трех лет он лишился отца, а когда мальчику было всего одиннадцать, умерла его благочестивая мать Феодосия, воспитавшая в нем веру и любовь к Богу.

Он был внимательным и впечатлительным мальчиком, сверстники называли его монахом, дав ему это прозвище, не ведая о Промысле Божием. Сам Владыка Зиновий отрицал позднее, что давал к такому прозвищу повод, но именно тогда он уже часто бегал в монастырь, где выполнял для монахов различные мелкие поручения.

Жизнь старца Зиновия с детства была связана с Глинской пустынью, обителью, устроенною в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Навсегда он запомнил крестные ходы, совершаемые из Глинской пустыни в город Глухов и обратно с чудотворной иконой Рождества Пресвятой Богородицы.

После смерти родителей Захария некоторое время жил в семье своей двоюродной сестры Параскевы. Семья была бедной, лишний рот в тягость. Захарии с детства пришлось испытать сиротство и нужду, но, как часто это бывает,

Насколько велики и благодатны были благословения владыки Зиновия, я убеждался много раз в жизни.

Когда мы приезжали в Тбилиси, то сразу шли к владыке на благословение. А он всегда говорил: «Отец Никон, иди на службу, после службы — на трапезу ко мне, а после — к отцу Виталию».

Приезжая к старцам, мы получали большую благодать, «подзарядку» на многие дни нашей жизни. Нас тянуло к ним как магнитом. Сколько они за нас молились, как они нас любили! Когда мы приезжали, они не знали, куда нас посадить. Владыка Зиновий, отец Виталий — это живое воплощение Евангелия. Их поступки, слова — по Евангелию — накормить хлебом, утешить, наставить человека.

По молитвам старцев легко было нести крест священнослужителя. А в советское время для многих это действительно был очень тяжелый крест.

Вы знаете, что такое приход в советское время: и ревность, и зависть, когда было постоянное давление власти, приходили уполномоченные по делам религии и милиция, и председатели сельских советов... Все старались унизить, старались что-то получить от нас. И вот в это время я имел велие утешение: по молитвам владыки Зиновия пять лет не знал я, что существует седьмой отдел КГБ, пять лет не досаждали меня уполномоченные по делам религии области и района. Сначала стали требовать, чтобы я работал на седьмой отдел КГБ. И что удивительно: поехал, пожаловался владыке. Я не хотел ему докучать никакими просьбами, жалобами. Но когда прошло несколько лет, когда меня постоянно преследовали, я не выжержал. А он воскликнул:

Отец Виталий и владыка Зиновий

— Отец Никон, ко мне тоже приходили с сельского совета. И молодой человек говорил: «Нужно отпеть покойника, мы вас ждем в сельсовете». Я так строго сказал ему: «Ну знаете, никакого сельсовета...»

И когда владыка так сказал, меня никто уже не тревожил. Я думаю, что не только тогда, но и сейчас меня никто не тревожит по молитвам старца.

А что такое его молитва? Если я сказал ему, что мой отец заболел, то вернулся домой — отец здоровый, а врачи говорили, что болезнь неисцелима — рак прямой кишки...

Однажды мне было очень трудно: хотели убрать меня с прихода. А нам уполномоченный по делам религии давал регистрацион-

Господь скорбями и лишениями приводит избранных к Себе.

В 1912 году шестнадцатилетним юношей он был зачислен в Глинскую пустынь послушником. По уставу Глинской пустыни, какого бы возраста или образования ни был новоначальный, он должен был пройти определенные ступени послушания.

Господь долго испытывал молодого послушника. С самого начала его жизни в Глинской пустыни нахлынули на него испытания и искушения. Первые ступени послушания прошел он досрочно, но на специальных у него ничего не получалось: отовсюду его гнали, нигде он не мог прижиться. Юноша хотел от всего сердца служить Богу любым монашеским послушанием, но враг ополчил против него начальствующих, и те жаловались на него настоятелю. Его постоянно переводили с места на место, но он проявил в этих испытаниях огромную силу воли, терпел, старался не роптать. Но... сердце его обливалось слезами, молодой послушник неустанно молился Богу, прося у Него милости остаться в монастыре.

Однажды его направили присматривать за лошадьми. Поначалу он был в отчаянии: с детства он боялся лошадей, и в первый раз возроптал на такое распоряжение. Но скоро он почувствовал любовь к этим помощникам человека, работа стала ему нравиться...

Терпение, молитва и любовь молодого послушника победили искушения.

В 1914 году началась первая мировая война, а в 1916-м послушник Захария Мажуга был призван на военную службу. В составе своего подразделения он был переброшен в Белоруссию. Теснимые немцами, они расположились в Пинских болотах, полгода удерживали позиции в неимоверно трудных условиях. Там у Захарии от постоянной сырости заболели ноги, образовалась экзема, которая мучила его всю остальную жизнь. Позже к этому добавился еще и тромбофлебит, стали открываться на ногах долго не заживающие трофические язвы, вызывая сильную боль. Вылечиться от этого практически невозможно, можно только на время залечить раны. Но через некоторое время они снова открывались, и так постоянно, на протяжении всей жизни.

После демобилизации Захария возвращается в обитель, где в 1917 году, в день Благовещания Пресвятой Богородицы, принимает монашеский постриг с именем Зиновий в честь сщм. Зиновия, епископа Эгейского.

В сорока километрах от монастыря, в Путивле, на реке Сейма, находились монастырские мельницы. По благословению архимандрита Нектария монах Зиновий исполнял послушание по доставке зерна на мельницы, а оттуда привозил муку в обитель. Если вспомнить,

ную справку. Если эту справку забирали, то священник не мог нигде служить. И вот когда все силы и светские, и диавольские обрушились на меня, я в молитвах просил владыку Зиновия и отца Виталия, чтобы они помогли. А когда приехал к ним и рассказал все, они в один голос: «Это Господь помог, это Господь помог». Я понял, что они слышали мой вопль к ним, мое обращение, мой страх, что я потеряю приход и потеряю службу. Отец Виталий говорил мне: «Я вот поставлю свечки за некоторых, а свечки плачут, плачут...» Понял я, что говорил он это обо мне.

— Батюшка, а почему они плачут?

— Да вот кто-то неправильно живет, нарушает заповеди...

Больше не стал я его спрашивать, все стало ясно и понятно. Старцам все было открыто — как мы живем, чем дышим...

Однажды я просил отца Виталия: «Батюшка, а мне нельзя постригать?» А он говорит: «А ты спроси у владыки». Пришел я к владыке: «Владыка, благословите меня совершать постриги. Желающие есть». Он ответил: «Нет, рано». И только через одиннадцать лет владыка мне сказал: «Отец Никон, утешай людей». Первоначально владыка не благословлял меня и соборовать. А когда мы были вместе (владыка Зиновий, отец Виталий и я), отец Виталий сказал: «Владыка, у него хорошо получается соборовать, люди получают послабление в болезнях». И тогда владыка ради отца Виталия благословил меня совершать это Таинство. Он знал, что мне будет очень трудно, но он жалел людей. Сам владыка был очень больным, правда, никогда не жаловался, не подавал вида.

Когда мы приезжали к старцам, они брали на себя наши болезни, они молились за нас. Всегда поражаешься их терпению: никогда не услышишь от них ни слова упрека.

Я всегда старался подражать отцу Виталию — копейкой помогать некоторым матушкам, жившим рядом со старцами в Тбили-

что в эти годы земля наша полыхала в огне гражданской войны, в которой и брат не щадил брата, то понятно, что послушание это было всегда сопряжено с большим риском. Но когда этот обоз возглавил монах Зиновий, свято веривший в силу Божия благословения, преподанного ему настоятелем, все доставлялось невредимым. Монах Зиновий безропотно выполнял все, на что благословлял настоятель, добавляя к этому и свои молитвы ко Господу и Его Пречистой Матери о благополучном исполнении своего послушания. Впоследствии Владыка Зиновий не раз указывал на великую силу благословения в деле любого послушания.

В 1922 году Глинскую пустынь упразднили. Инок Зиновий унес с собой один из священных антиминсов, на котором впоследствии совершали богослужения вне храма, под открытым небом. Молодой подвижник переезжает на Кавказ в Драндовский Успенский монастырь близ Сухуми. Там он был рукоположен во иеродиакона, а 18 января 1925 года епископом Сухумским Никоном – во иеромонаха. Вскоре закрыли и этот монастырь. В 1927 году в Сухумской епархии отец Зиновий стал настоятелем церкви во имя вмч. Георгия. Затем с 1925 по 1930 годы иеромонах Зиновий служит в Никольском храме города Сухуми, а когда служение там стало невозможным, уходит в горы Абхазии, основав там небольшой скит. Подвижники живут там своим трудом.

Уже в это время отец Зиновий пользуется высоким авторитетом среди окружающих его, и многие обращаются к нему за духовными наставлениями.

Вскоре стало известно о существовании пустыньки и разогнали ее насельников. Иеромонах Зиновий некоторое время жил в греческих селах близ Сухуми. Здесь, общаясь в основном с греками, он выучил греческий язык и мог на нем свободно разговаривать. К тому же он даром шил местному населению, за что его греки очень любили и уважали. Как странник переходил он из селения в селение, питаясь и ночуя у добродетельных и милостивых христиан. Монастырские послушания научили иеромонаха Зиновия различным ремеслам и рукоделию, и он, по мере возможности, благодарил приютивших его и отрабатывал свой хлеб и ночлег.

В горах тоже не дали спокойно жить и молиться, иеромонах Зиновий едет в Ростов-на-Дону, где по благословению правящего епископа Феофила служит в Софийском храме.

В 1936 году его арестовали и, не предъявив никакого обвинения, семь месяцев продержали в ростовском распределителе. Однажды во время допроса отец Зиновий спросил у следователя, в чем же состоит его вина, какое обвинение ему предъявляют. Следователь молча показал на его рясу...

Место заключения определили ему на Урал. Страданий иеромонах Зиновий перенес достаточно. Он не закрепил своего мученичества кровью, но испытал в заключении многие мучения и издевательства. Его освободили досрочно после 4 лет и 8 месяцев вместо пяти лет по приговору. Сколько здоровья и сил отнято в это время, сколько испытаний выпало на долю подвижника!

После освобождения из заключения отцу Зиновию выпал жребий служить в Грузии – Иверии, уделе Самой Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

В Тбилиси он остановился у своих духовных чад. Ожидая восстановления документов, отец Зиновий, часто молился в Сионском соборе. Там его увидел Патриарх Каллистрат, который предложил ему служить в Сионском соборе внештатным священником.

Святейший Патриарх был проникнут к отцу Зиновию глубочайшим уважением и после, уже на смертном одре, будет рекомендовать своему преемнику совершить над архимандритом Зиновием епископскую хиротонию, что было очень сложно, т.к за всю историю Грузинской Церкви это был единственный случай, когда человек негрузинской национальности стал архиереем.

С 1942 по 1945 годы отец Зиновий служит в Тбилисском Сионском

си, но часто жадность пересиливала: думал, ведь надо еще много сделать в храме. Но не средства восстанавливают храм, а благодать Божия. Мы думаем, если были бы деньги, мы что-то сделали бы. Нет, ничего мы не сделаем, если не будет благословения Божия. И когда мы перевозили вагон белого кирпича с района до нашего храма (7 километров) — а в то время даже туалет не разрешали нам построить — и все по благословению владыки Зиновия получилось. Мела метель, снегом все запорошило, и никто не видел — все потом удивлялись, откуда взялись кирпичи в церковной ограде? Благодать Божия через благословения владыки Зиновия творила чудеса.

Когда владыка Мефодий благословил меня вместе с матушками моего прихода в открывающийся в Воронеже Акатов монастырь, я, приехав в Тбилиси, спросил отца Виталия, как мне поступать. Получив благословение стариев, переехали мы в монастырь. Жили сначала в тесноте, в одном домике, но как же было легко и радостно!.. Служили и утром, и вечером, и сил хватало на все — такая нам была дана благодать.

Живем мы под покровом и схимитрополита Серафима, и схиархимандрита Виталия, и всех тех стариев и старец, которых мы поминаем в своих молитвах, а они помогают нам.

Владыка умер 8 марта, а хоронили его 13-го. Какую благодать вкусил я на его похоронах — ничего подобного не испытывал в жизни! Была радость и не чувствовалось скорби. Служили мы панихиды и литии у гроба. Все те, кто там был, ни в чем не нуждались. Вы представляете, когда приезжаешь в какой монастырь, ищешь, где остановиться, где переночевать, где бы покушать. А там как одели священнические одежды, так и все дни ни в чем не нуждались. Стакан чая с пирожком — эта порция была на весь день! И не хотелось ни есть, ни пить, а было радостное ощущение, как на первый день Пасхи. Я считаю, что это Господь сподобил меня вкусить, что такое подвижник, который угодил своей жизнью Богу, и какая милость Божия сходит на усопшего праведника.

У схимитрополита Серафима очень много чад по всей России. Некоторые из них сейчас стали архиереями. Сегодня по всей нашей стране поминается владыка и его родители, поминается и отец Виталий.

Владыка достоин церковного прославления, он давно прославлен Богом. Он жил в трудное советское время, прошел лагеря и тюрьмы, перенес очень сильные скорби и болезни, всех терпел, за всех молился. Многих своей праведной жизнью он привел к Богу, научил послушанию. И сейчас он с нами, мы чувствуем его помощь и просим: «Святителю отче Серафиме, моли Бога о нас».

соборе и в Ольгинском монастыре в Мцхете, где он был духовником. С 1945-го по 1947-й отец Зиновий – настоятель Никольского храма в селе Кирово Степанованского района Армении.

С 1947 по 1950 годы отец Зиновий был настоятелем Свято-Духовской кладбищенской церкви в Батуми. При нем храм был полностью реставрирован и пополнен многими иконами.

После восстановления молитвенного общения между Русской и Грузинской Поместными Церквами отец Зиновий был поставлен Святейшим Патриархом Каллистратом благочинным русских приходов в Грузии и Армении, переданных в юрисдикцию Грузинского Патриарха. И это тоже случилось не без Промысла Божия.

К нему с большим уважением и любовью относились Святейшие Патриархи Сергий и Алексий I. В этот период отец Зиновий своим поведением и действиями всячески старался приводить людей к Церкви Христовой, показывая, что не национальная принадлежность, а вера в Господа Иисуса Христа, исполнение Его заповедей, добрые дела и милосердие к ближним приводят нас к спасению.

С 1950 года и до самой кончины отец Зиновий оставался настоятелем Александро-Невского храма в Тбилиси.

В марте 1957 года епископ Зиновий был назначен вторым викарием Святейшего Патриарха с титулом епископ Степанованский. При Святейшем Католикосе-Патриархе Ефреме с 1960 года назначен епископом в Тетри-Цкаро (Белый Ключ – родник) – небольшой город близ Тбилиси с храмом во имя Святителя и Чудотворца Николая.

В 1972 году возведен в сан митрополита.

Готовясь к переходу в вечность, Владыка Зиновий принял схиму с именем Серафим в честь великого подвижника земли Русской преподобного Серафима Саровского.

Владыка Зиновий предсказал день своей кончины. Перед кончиной митрополит Зиновий был соборован, часто причащался Святых Таин. 8 марта 1985 года спокойно отошел ко Господу.

По книге прот. Александра Чеснокова «Великий старец – святитель митрополит Тетрицкаройский Зиновий»

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

Часть 7

Вопрос: *Каким Вам видится монах в идеальном плане?*

Ответ: Об этом в свое время так сказал преподобный Нил Афонский Мироточивый: «Сокровище монашеской жизни: монах да видит и не видит, да разговаривает и не разговаривает, да будет соблазняем и не соблазняется, да будет возмущаем и не возмущается – да будет непоколебим». Монаху в идеальном плане должно быть одинаково, где он находится – или на архиерейском престоле или в тюремном карцере. Это человек, который посвятил самого себя на служение Богу. И какими путями его будет вести Господь ко спасению, на то он соглашается и идет, веря и надеясь, что сила Христова совершается в его немощи. Вот к этому мы должны стремиться.

Вопрос: *А если не получается быть «непоколебимым»? Разве совсем нельзя желать что-то изменить: удалиться от каких-то соблазнов и приобрести что-то полезное для души – условия для молитвы, более строгий образ жизни, духовное руководство и т.д.?*

Ответ: Я говорю, к чему мы должны стремиться. Конечно, мы можем, и даже должны высказываться в молитве, как говорит апостол Павел: *«Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе»* (Флп. 4, 6-7). Мы должны исповедовать Богу свои немощи, высказывать, открывать свои желания – как бы нам хотелось проводить наше жительство. Но при этом не идти на пролом. Находясь в монастыре не ломать обеты – поскольку человек, вступивший на путь монашества, дал обет пребывать в послушании у духовного отца и в монастыре до смерти – не ломать данные обеты, а именно стучаться в дверь милосердия Божия. *«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»* (Мф. 7, 7). Но опять-таки – со смирением. Не требовать, а просить. Молиться со смирением, твердо веря в то, что Господь знает, кому что полезно для спасения – то и подаст, если усмотрит нужным.

А если человек будет действовать самочинно, то потом он будет скорбеть. Вот как говорили за схиеродиакона Исаакия из Киево-Печерской Лавры, что он ушел из монастыря из-за тяжелого послушания, а потом скорбел. Отец Мардарий[1] не раз рассказывал про отца Исаакия, можно привести его рассказ. Это было в конце 50-х годов XX столетия:

«У нас в монастыре был один старичок, схиеродиакон Исаакий, который водил экскурсии по пещерам. Он сам образованный, в монастыре много лет прожил, но потом постарел, и ему никакого другого послушания нельзя было дать, кроме экскурсий. А ему и это тяжело казалось. Ведь на экскурсию все мирские идут, и он должен объясняться с ними. А он – схимник. Но никуда не денешься.

И вот он, бывало, придет ко мне (а я у владыки-наместника келейником был):

– Отец Мардарий, что мне делать?

– А что, отче Исаакий?

– Да какое невозможное послушание!

Говорю:

– Ну, а какое же тебе еще дать? На просфорне ты не можешь, на поварне тоже, потому что старенький. Потому тебе и дали послушание ходить. Чего уж проще – объясни экскурсантам, проведи их по пещерам, и все...

– Не могу, соблазн. Я ведь схиеродиакон, мне надо безмолвие.

– А что ты хочешь?

– Я хочу уйти в пустыню.

– А как «уйти»?

– Тайно...

Говорю:

– Слушай – как тайно? Что ты? Это ж Матерь Божия прогневается. А преподобный Феодосий Киево-Печерский какое завещание дал? «Аще кто до смерти пребудет в Лавре (в монастыре) и умрет на послушании, имам дерзновение пред Господом умолить, аще какие грехи случатся». Ты пойди, отче, к преподобному Феодосию, почитай – там (у его мощей) эта табличка висит... так что если уйдешь...

Он послушает, вроде бы успокоится. Потом время проходит, опять подходит:

– Отец Мардарий, может, ты как-нибудь у владыки спросишь за меня?

А как я могу спрашивать? Какое я имею право? Говорю:

– Нет, ты подавай прошение, вопрос серьезный. А то и тебе, и мне влетит. Как владыка на это

---

[1] Иеромонах Киево-Печерской Лавры; после закрытия (в 1961 году) монастыря подвизался в горах Кавказа *(прим. ред.)*.

отреагирует? Скажет: «Что это такое – за моей спиной такие вопросы решаете?!»

Но прошение тоже дело не шуточное. Боится Исаакий. Чувствует, что могут не отпустить... Ведь наш владыка должен с митрополитом решать. А в то время митрополит Иоанн был – очень строгий. Исаакий подумал-подумал, и к благочинному, игумену Евмению:

– Отец благочинный, мне тяжело – какое у меня послушание! Я схимник, а там девочки молодые – мирские, полуголые... Хоть я и старый, но все равно...

– А что бы ты хотел?

– Безмолвия хочется. Вот если б тихонько мне уйти на Кавказ... Только благословение нужно, а я уже готовый, собранный. Все – у меня уже ничего в келье нет, только осталось благословение получить.

– Ну, отец Исаакий!.. Как же я могу благословить? У нас наместник есть. Да еще митрополит. Это ж целая проблема.

– Да я бы... мне бы только благословение... а там ладно уже... я скроюсь, там буду жить.

Он:

– Нет, нет, подожди... – отказал.

Через некоторое время опять идет Исаакий к благочинному – несколько раз подходил к нему. Благочинный ему:

– Отец Исаакий, ты мне уже надоел. Подавай прошение владыке, а там видно будет.

Сколько-то времени проходит. Исаакий опять:

– Отец Евмений!.. Ой, душа моя томится!.. Хочу на Кавказе умереть... Благословите!..

Тогда тот вынужденно так:

– Ну, Бог благословит... – чтоб только не подходил больше.

Исаакий принял это за Божие благословение – сразу в келью, с вечера собрался, и утром чуть свет – мы на полунощницу, а он – тихонько за ворота, и ушел. Благочинный сразу: «Братья, а почему Исаакия нет?» – все должны на полунощницу являться. Пошли, смотрят: дверь в его келью открыта, никого нет, иконки забраны. Ну, видно, что совсем ушел...

Наместнику сообщили. Владыка расстроился: «Ах, Исаакий!.. Что он натворил? Меня подвел! Такой-сякой! Сейчас рапорт буду писать, что он сбежал без благословения». Наместник ведь должен все докладывать митрополиту. Митрополит рапорт получил и давай владыку нашего ругать: «Куда ты смотришь, что у тебя монахи бегут?! Какой ты наместник?!» – досталось, одним словом. А на Исаакия:

Насельник Киево-Печерской Лавры схиеродиакон Исаакий

«Все, из синодика вычеркнуть! Если вдруг вернется – ни в коем случае не принимать! Чтоб даже на порог монастыря не пускали! Все – нет его!» – такой приказ дал митрополит Киевский Иоанн наместнику нашему епископу Нестору. А я все слышал. Переживал, конечно, за отца Исаакия. Все думал: «Как он там, на Кавказе?..»

И вот проходит немного времени, беру я отпуск и еду на Кавказ и встречаю там Исаакия. Он как увидел меня, обрадовался:

– Ой, Мардарий приехал!

Конечно, не терпится ему узнать, что в монастыре делается:

– Ну, как там за меня?

– Батюшка Исаакий, дорогой, да там за тебя... гром и молния... но ты не расстраивайся.

Промолчал, ничего не сказал. Но видно было, что расстроился. Потом через некоторое время говорит:

– Отец Мардарий, я скорблю, что ушел. Я хотел бы вернуться.

– Отец Исаакий, какое «вернуться»?! Митрополит категорически от тебя отрекся. Благословил, чтобы тебя из синодика вычеркнули как беглеца и чтоб даже к воротам не пускали. Почему, дескать, самочинно? Ты успокойся, живи уже как есть.

Ну, раз так... делать нечего. А он строит келью на озере, помочь некому, плачет... ничего нет, помощи нет. Говорю ему:

– Не переживай. Я тебе помогу. У меня отпуск, я тебе помогу, – и давай помогать городить ему келейку...

А, надо сказать, я тоже хотел уйти из монастыря. Я же у владыки келейником был – какая суета! Целыми днями приемы: и мирские люди идут, и священники, и свои братья... Пошел к духовнику, открыл ему свой помысел, но он строго так сказал: «Не вздумай! Оставайся – никуда! Иначе будешь скорбеть очень сильно». И я остался. А через полтора года закрылась наша Лавра, и я уже безпрепятственно уехал. Видать, всему свое время. А вот Исаакий ушел по своей воле, и как он потом, бедный, скорбел...»

Говорили, что после кончины отца Исаакия в келье у него нашли собственноручную записочку: «Когда я умру, мое тело не хороните до тех пор, пока оно не засмердит», – так он смирялся. И кончина у него была мученическая – Господь попустил. Говорили, что когда отец Исаакий был еще жив, он часто громко молился: «Господи, накажи меня здесь, а там помилуй!..» Видать, совесть его отягощалась тем, что он ушел своевольно из монастыря, не исполнив данного обета пребывать в обители до смерти. Потому он, скорбя душою, просился, чтобы Господь спас его таким образом – через какое-то наказание. И Господь принял его желание.

Правда, не везде была такая строгость. В некоторых монастырях было заведено – тем, кто уходит из монастыря на безмолвие, никому не препятствовать. Сначала желающим безмолвствовать назначали искус (испытание) год или два, а потом уже отпускали.

Но, как показывает опыт, желание безмолвия и иных условий зачастую себя не оправдывает (как о том мы говорили уже не раз) – особенно в среде современного монашества. Поэтому когда я говорю о

современных монахах и их проблемах, я имею в виду то, что мы должны стремиться к такому идеалу монашеской жизни, чтобы не обращать внимания на внешние условия. Этот путь более подходит для нашего времени, которое отличается тем, что в людях сильно развиты всевозможные страсти, особенно гордость. В этом отношении имеется очень хороший пример из недавнего святоотеческого опыта. Когда преподобный Нил Афонский Мироточивый явился страстному Феофану (который пил, блудил, потом даже хотел отречься от христианства и принять мусульманство) и повел его по монашескому пути, то он ему сказал, что «сокровище монашеской жизни: монах да видит и не видит, да разговаривает и не разговаривает, да будет соблазняем и не соблазняется, да будет возмущаем и не возмущается – да будет непоколебим». Вот сокровище монашеской жизни. Страстному человеку преподобный показал, какой идеальный путь – что значит монашеская жизнь. Потому я взял это и себе на вооружение, и потому так говорю, к чему мы должны стремиться.

Но, к сожалению, как часто в жизни мы видим некое «возвышенное» представление о монашеском пути, безвременно последовав которому страстный человек остается (в лучшем случае) без плода. К примеру, кто-то создал себе мнение, что такое пустыня: вот он уединился и хорошо живет. Розовые «картинки» себе нарисовал, потом достиг желаемого – и все. Уже сам себе в келье, никто к нему не приходит, женщин не видит, занимается своими келейными делами, в молитву погружается, правило держит – и он доволен. Он достиг своего идеала. А в самом-то деле страсти остались. Пойди, копни – что там будет?.. Вот и все. Потому я говорю, что идеал, к которому мы должны стремиться иной. Искоренения страстей надо искать, а не того, чтобы только уединиться в келье и чтобы тебя никто не «кантовал». Это не монашество, это сарабаитство. Как говорил преподобный Кассиан Римлянин о такой категории людей: они «совершенные» только тогда, когда их никто не трогает. А тронь – не оберешься горя. Это можно прочитать в книге преподобного Кассиана Римлянина, в ней говорится о монахах-сарабаитах, которые уединялись, а страстей своих не искореняли.

Вопрос: *То есть, они составили себе неправильное представление о монашеском совершенстве?*

Ответ: Да. Они просто удалялись от общения с братией и не преуспевали абсолютно, и вряд ли спасались.

Вопрос: *А как же сказано, что в пустыню уходят не только из-за желания совершенства, но и по немощи. Как это понять?*

Ответ: По немощи – когда человека одолевают грубые страсти, и он не может с ними справиться. Тогда уединение может быть полезно. Но, во-первых, этого надо достигать путем смиренным, о котором говорили выше. Во-вторых, на этом нельзя останавливаться – это для того только, чтобы временно убежать от соблазнов, которым человек не может противиться. А потом все равно Промыслом Божиим надо будет переездавать экзамен.

И еще нужно иметь в виду такой момент. Очень важно учитывать умение отрекаться от своего «я». Ведь когда монах в монастыре пренебрежет деланием послушания – приходит он, скажем, в пустыню, и по привычке впадает в своеволие. Но поскольку в монастыре человек борется с демоном как с кошкой, а в пустыне – как со львом, то одолевают беднягу такие страсти, что... просто слов нет. Очень скорбные случаи бывают. А когда человек ценит послушание и упражняется в нем, тогда он и в монастыре преуспевает, и где угодно.

Образец послушания – Старец Паисий Святогорец

Послушником общежительного монастыря Старец Паисий был недолго. Однако уже в начале своей монашеской жизни он выучил наиважнейшую монашескую дисциплину — послушание — и получил по этому предмету отличную оценку. Вначале с радостным расположением он оказывал совершенное послушание своему игумену и старцу. Также он без рассуждения слушался членов монастырского Духовного собора. Когда он спрашивал их о том, как сделать то или иное дело или как поступить в том или ином случае, они отвечали: «Сделай так, как тебя просветит Бог». Однако такой ответ его огорчал: он хотел, чтобы старшие давали ему конкретные указания, он хотел совершенно отсечь свою волю. Самые тяжелые экзамены на послушание Старец сдал, слепо слушаясь старца И., который нагружал его тяжелыми работами, строго обличал его, делая все это без ведома игумена. Добрый послушник терпел все молча, укоряя себя. Он никогда не осуждал старца И. — даже в помысле. Он верил в то, что эти испытания Бог попустил за его грехи. В конце концов послушание отцу И. довело отца Паисия до кровотечения, и его положили в монастырскую больницу. Там он благодарил Бога и молился за старца И., потому что получил от него пользу. «Он бил меня, как бьют пойманного осьминога, — говорил Старец, — но он очистил меня от всей внутренней нечистоты».

Отец Паисий опытно переживал Таинство послушания. Опытно познав, какие блага приносит эта добродетель, он стремился к ней и искал ее. Он говорил: «Знайте: весь секрет монашеской жизни заключен в послушании: в том, чтобы отсекать свою волю — если это возможно, то даже и перед тем, кто тебя младше, если, конечно, нет опасности ему повредить. Тогда приходит благодать Божия. Уйдя из общежития, я остро чувствовал необходимость оказы-

вать кому-то послушание. Когда я перешел в Стомион, то ближайший ко мне монах, отец Серафим, жил от меня в девяти часах пешего пути. Поэтому я взял к себе в монастырь одного двенадцатилетнего незаконнорожденного ребенка, которого все презирали, и сделал его своим старцем. Я его спрашивал: «Ну что, сынок, как ты думаешь, надо мне это делать?» И я делал то, что он мне говорил. Например: «Ну как ты думаешь, пойти мне пилить дрова?» — «У тебя что, не в порядке с головой, что ты хочешь идти пилить дрова!» — отвечал он мне. Так я отсекал свою волю и шел заниматься чем-то другим. Если бы вы знали, какую я получил от этого пользу! Конечно же, люди, видя все это, удивлялись — поскольку они относились ко мне с уважением. «Погляди-ка, — говорили они, — он оказывает послушание ребенку!» Но и ребенок укрепился, научился проявлять инициативу и, получив таким образом помощь, стал настоящим человеком. Однако я, отсекая свою волю, получил пользу большую, чем он. Отсечение воли помогает в духовной жизни». Конечно, в какой-то момент Старец дошел до такого состояния, что уже не имел нужды в послушании в его начальной форме — то есть в слепом послушании старцу — поскольку он сумел стяжать умное подчинение [Богу]. «Для того, кто добре совершил духовное послушание, плоть подчинив духу, не требуется послушание человеческое, ибо таковый в послушании состоит слову Божию и закону как благодарный раб»[1].

У Старца уже не было собственной воли, собственного плана, собственной программы действий. В письме от 3 ноября 1972 года он писал: «Программу моих действий составляет Бог, а не я. Несмотря на то что я уже не планирую заранее, когда мне выезжать в мир, если случается нужда, я — даже и не желая выезжать с Афона — не могу противиться [воле Божией], потому что Бог побуждает меня к этому Своей любовью и моей собственной любовью к ближнему».

Помимо того что Старец имел просвещенный ум и рассуждение, в серьезных вопросах он получал особые извещения от Бога — прося или даже не прося Его об этом. Несмотря на это, если речь шла о вопросах, касавшихся только его самого, он, по многому смирению, не хотел следовать своей личной воле, но спрашивал, как ему поступить других старцев, духовников, епископов и даже своих духовных чад — оказывая им послушание.

Схимонах Паисий Святогорец (1924–1994)

Отец Паисий говорил и следующее: «Насколько бы правильным не было мое личное мнение о касающемся меня вопросе, я не могу ему доверять, потому что это мнение — мое. Врач, если заболевает, не ставит себе диагноз сам. Он идет к другому врачу, хотя бы тот и уступал ему в опыте и врачебном искусстве».

Старец хотел, чтобы послушание проистекало из свободы и совершалось с радостным расположением. Он не хотел, чтобы оно было формальным, внешним и казарменным, но — подчинением мудрованию старца. Отец Паисий считал послушание исцелением от всех духовных болезней, а прежде всего — от гордости. Он подчеркивал: «Послушание — это самый быстрый и легкий путь. Это ключ, открывающий райскую дверь. Послушанием отсекаются своеволие, эгоизм, страсти, и потом к человеку приходит благодать Божия и его жизнь становится Раем».

Старец говорил: «Если больной оказывает послушание врачу, то он выздоровеет. Если кто-то не очень умен и оказывает послушание, то он станет философом. Однако если у человека семь пядей во лбу, но послушания он не оказывает, то он себя погубит». Старец считал, что хуже всего, когда человек не слушает советы старцев и делает то, что говорит ему его помысел. Он говорил: «Если человек слушает свой помысел, то он наносит себе вред, он проиграл, он сам ищет своей погибели». Если кто-то спрашивал Старца не ради того, чтобы получить от него пользу или оказать ему послушание, но ради того, чтобы «вырвать» у него благословение, поступить по своей воле, то Старец, прерывая безплодную беседу, говорил: «Положи поклон своему помыслу и делай что хочешь». В таких случаях сам он от ответственности освобождался. Поэтому он подчеркивал: «Старцы дадут ответ Богу в соответствии с послушанием, которое оказывают им послушники».

Отец Паисий советовал: «Послушники должны оказывать послушание своему старцу. Если старец строг и несправедлив к ним, то они примут и обильную благодать. Им не надо осуждать старца. Если им трудно, пусть открывают ему свой помысел, а после этого делают то, что он им скажет. Послушник должен быть само рвение, само самоотречение, а старец лишь должен его немного притормаживать. Старцу нужно с рассуждением обрезать его лишние боковые ветви, но не верхушку [уродуя и делая его ни на что не годным]. Сперва сам старец должен пройти через послушание, ему не следует ставить на послушнике эксперименты. Старцы, которые требуют слепого послушания, должны отличаться очень хорошим зрением».

Советы Старца Паисия практичны, действенны. Они несут в себе внутреннее извещение, потому что то, о чем он говорил, он сначала применил на деле сам. Как «сотворивый и научивый» послушанию, он сначала явил себя благодатным послушником, а затем рассудительным Старцем. «Мой сладкий Паисий», — так называл отца Паисия за его послушание Старец, батюшка Тихон.

Иеромонах Исаак: «Житие Старца Паисия Святогорца»

[1] Преподобный Феогност. «О деятельной и созерцательной жизни». «Добротолюбие», Т. III.

Тихая лесная обитель

История Свято-Тихоновского монастыря

Глава 3

Сегодня не так легко представить, в сколь непростой ситуации оказался архимандрит Димитрий, управлявший Задонским Богородицким монастырем в годы, когда обитель получила безспорную общероссийскую известность, ко многому обязывающую настоятеля. Приток паломников, многократно возросший после официального прославления св. Тихона Задонского, понуждал первого среди братии с куда большим рвением заботиться об устроении храмов и зданий монастыря, покоящего святые мощи, нежели того требовали обстоятельства от предшественников. И это делалось. Отец Геронтий отмечает, что вторая половина 1860-х годов для Задонского Богородицкого монастыря — время непрерывных ремонтно-строительных работ. Одновременно архимандрит Димитрий находит силы и средства на устроение монашеской общины на берегу речки Проходни. Понести такое, пожалуй, было выше простых сил человеческих, и в том, сколь успешны были труды архимандрита Димитрия, нельзя не увидеть благодатной помощи по молитвам святителя Тихона, об увековечении памяти коего так заботился задонский настоятель.

Причем, архимандрит Димитрий, в пути своем уже немало вкусивший от изобильно плодоносящих древ духовных, наставленный и старцем Львом (Наголкиным) и святителем Филаретом (Дроздовым), понимал, что забота о возведении зданий — лишь первый шаг в устроении новой обители, которая виделась ему в благословенном этом месте. А потому внимателен был, благословляя сюда на жительство и лично неопустительно наблюдал, как устраивается внутренняя жизнь скита. Бывая здесь, оставался и на несколько дней. Служил в храме. Обязательно беседовал с братией. «Говаривал всегда просто, но назидательно», — сообщает его жизнеописатель.

«Кто приходит в пустынножительство или отшельническое братство как переселенец, желающий перенести сюда выгоды и удобство прежнего жительства или заменить их другими, а не как беглец, бросивший все, чтобы только избавиться от того, что было причиной бегства, тот не вполне отшельник», — эти слова митрополита Филарета весьма любил повторять в своих беседах с насельниками зарождающейся обители архимандрит Димитрий. Особо советовал уделять время богомысленному чтению святых отцов. А тем, кто из-за послушаний или по безграмотности не имел возможности взяться за книгу, рекомендовал почаще собеседовать со старцами. Иеросхимонах Тихон, схимонах Спиридон, иеромонах Мелхиседек по благословению отца архимандрита в разные годы наставляли братию, разделявшую с ними лесное уединение. «Это старцы благочестивые, сознательно потрудившиеся долгое время в святой обители. Они худому не научат», — приводит подлинные слова архимандрита Димитрия об этих духовных наследниках святителя Тихона иеромонах Геронтий.

И неудивительно, что вскоре, как свидетельствует отец Геронтий, «даже самая внутренняя жизнь этого зародыша обители монашеской, получившей в народе самобытное название "Скит", напоминала уже своим установившимся строгим чиноположением о жизни отшельнической — пустынной, основанной на началах общежительных».

Удаленность лесной монашеской общины «от шума городской суетливости», установившееся попечением архимандрита Димитрия «внешнее и внутреннее благоустройство и благоприличие», особо отмечались и паломниками, которые уже считали обязательным, поклонясь мощам святителя Тихона, побывать не только у Тихоновского источника на окраине Задонска, но и направить стопы свои на берег Проходни.

Иеромонах Геронтий сообщает, что «сюда нередко приезжали люди именитые и здесь с восторгом заявляли о своем желании не расставаться с приятным и спасительным уединением, благотворно веющим на душу, — приближающуюся к Богу — молитвенно». Не имея возможности исполнить горнее движение души на деле, будучи обременены жизненными обстоятельствами, они охотно благотворили зарождающемуся монастырю. Но, по воле Господней, не этим благочестивым мужам, а блудному сыну, за мирской суетой временно оставившему попечение о Вечном, суждено было сделать решающий вклад в осуществление благой мысли, лелеемой архимандритом Димитрием.

В 1865 году дела привели в Задонск «известного тамбовского помещика, статского советника Василия Петровича Воейкова». В материалах, размещенных на официальном сайте Воронежско-Борисоглебской епархии, сообщается, что Василий Петрович Воейков «в бессмертие души не верил, спасением того, чего по его мнению не существует, не занимался». О том же пишет и И. Иванова в книге «Обитель над Доном». В основе данных утверждений — сообщение в жизнеописании архимандрита Димитрия о некоем помещике из села Лавровка [Лаврово - *Л. М.*] Тамбовской губернии, возвращенном на путь спасения молитвами и беседами этого славного своими трудами настоятеля Богородицкого. Сказано, что раскаявшись, помещик этот «очень много благотворил своими средствами и влиянием при

устройстве новой Тихоновской общежительной обители». И хотя не называет автор — отец Геронтий — имени его, можно, действительно, с уверенностью говорить, что речь идет именно о В. П. Воейкове.

Родившийся (по данным интернет-проекта «Всероссийское генеалогическое дерево» в 1778 году, по другим — около 1785 года), Василий Петрович к моменту приезда в Задонск прожил и пережил уже немало. В 1806 году поступил на службу в Тамбовский почтамт, где безпорочно прослужил 25 лет. В 1834-1837 годах был выбран депутатом от дворянства по Лебедянскому уезду. Выйдя в отставку, занялся семейным делом — коневодством. Причем, с успехом. Он основал в 1842 году доныне существующий Лавровский конный завод, расположенный в Мордовском районе Тамбовской области. Вкладывал средства в приобретение земель, стал владельцем имений в нескольких уездах. Был дважды женат, имел трех сыновей и дочь...

И вот пути жизненные, несомненным Промыслом Господним, привели Василия Петровича в Задонск, где и состоялась встреча с архимандритом Димитрием, которую сам Воейков вспоминал такими словами: «Отец архимандрит Димитрий — это друг души моей. Он меня, заблудшего, как Плакиду, научил верить и знать Бога. Когда я первый раз приехал в Задонск в 1865 году, его привет, внимание и духовно-нравственная беседа так подействовали на меня, что я с этого раза увидел всю пустоту своей жизни. И молиться стал, и верить стал в безсмертие души с надеждою и упованием на благость Творца, а дотоле я все это отвергал и над всем святым глумился. Тут, после долгих лет моей безпечной жизни, я исповедывался и приобщился Святых Христовых Таин».

Повторно, уже именно на богомолье (как указывает о. Геронтий), В. П. Воейков приехал в Задонск в 1866 году. И именно в этот приезд «он, между прочим, посетил... и... лесную дачу, где любил при жизни уединяться святитель Божий Тихон. Г-ну Воейкову настолько понравилась тут роскошная местность и самый скромный иноческий приют, устроенный при монастырском кладбище, что он вознамерился неотложно устроить здесь своими собственными средствами самостоятельный мужеский общежительный монастырь, в память имени святителя Тихона».

Для осуществления этой благой цели Воейков приобрел в 1869-71 годах имение в Данковском уезде Рязанской губернии при сельце Золотуха (Золотухино) из трех участков общей площадью 800 десятин. Став полноправным собственником новоприобретенной недвижимости, в 1871 году Воейков пожертвовал часть земель (421 десятину 171 сажень) с постройками и инвентарем в вечную собственность будущей обители. Оставшаяся часть имения, «составляющая отдельный без построек участок» также закреплялась за основываемым монастырем, но, так как требовала «очищения некоторых обязательств» — через посредство духовного завещания. При этом Задонскому мужскому монастырю переходил участок чуть более 16 десятин, позволявший богородицким инокам расширить уже принадлежавшую им лесную дачу в районе сел Локтево-Панарино современного Задонского района. Эта часть дарения, видимо, была связана с необходимостью переноса монастырской пасеки. И именно сюда ее и перенесли — неслучайно задонские старожилы именовали этот лес не иначе как «Пчельник».

Кроме того, Воейков взял на себя прямое обязательство выплатить так и неуплаченные до того времени 10 000 рублей за землю, на которой располагался «Скит». И выстроить в новом монастыре, между церковью и колокольней, «на каменном полуэтаже деревянный корпус».

Оформив нотариально все вышеупомянутые обязательства, Василий Петрович сообщил о сделанном правящему Воронежскому архиерею — архиепископу Серафиму (Аретинскому). Владыка поддержал богоугодное начинание. И прошение статского советника В. П. Воейкова об основании нового монастыря под Задонском в 1872 году поступило в канцелярию Святейшего Синода, сопровождаемое представлением за подписью высокопреосвященнейшего Серафима. Воейков писал следующее: «...Благоговея к месту, освященному молитвою, стопами и трудами угодника Божия святителя Тихона, я желаю увековечить оное в памяти будущих православных поколений устройством на сем месте отдельного общежительного мужского монастыря».

И далее, по изложении сути финансово-имущественных аспектов, в 6-м пункте прошения, Василий Петрович «всеподданнейше» просил «дабы повелено было: открыть при кладбищенской церкви Задонского монастыря, на принадлежащем оному участке земли в 100 десятин, особый самостоятельный мужской общежительный монастырь под наименованием Тихоновского».

Причем, Воейков особо оговаривал, чтобы настоятель предполагаемой обители был назначен «с согласия моего», по указанию Задонского настоятеля архимандрита Димитрия. А также, чтобы братии из Задонска было предоставлено право преимущественного поступления в новую обитель, но при этом, чтобы был наложен запрет на переход из нового монастыря в Богородицкий. Указывал Василий Петрович и на свое желание, «чтобы вновь предполагаемая обитель состояла под главным надзором и влиянием того же архимандрита Димитрия, с особенным усердием положившего основание обители». То есть, в деле об основании Тихоновской обители В. П. Воейков вовсе не выглядит блаженным дарителем каким его иногда изображают. Он отличный организатор, за 5 лет приведший в порядок захудавший было Хреновской конезавод, и в этом случае сразу расставляет все возможные точки над «і».

Как указывает И. Иванова, оригинал прошения В. П. Воейкова, столь знаменательного для истории Тихоновского монастыря, и ныне сохраняется в фондах Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге...

Л. МОРЕВ

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

Письмо монаха Давида к рабе Божией Нине Григорьевне и брату Иоанну

Часть 3

Однажды я сидел у открытого окна, расположенного против сада, и, глядя в него, думал о своем прошлом. День уже клонился к вечеру. Перед этим как раз прошла гроза. Омывшись дождем, все зазеленело по-другому, приобрело особую свежесть. Едва уловимое дыхание ветра слегка качало ветки деревьев, на которых еще не успели высохнуть дождевые капельки. Под воздействием последних лучей заходящего солнца эти капельки играли всеми цветами радуги. Их было очень много – казалось, будто чья-то невидимая рука рассыпала их по всему саду...

В комнату проникал аромат душистых цветов. Мое внимание привлек куст георгинов, росший у самого окна. Эти чудные цветы как будто сами просились в комнату... А небо? Какое красивое небо перед закатом!..

Посмотрел я на эти искрившиеся капли воды, на куст дивных георгинов, на необычайно красивое небо и подумал: «Бог бесконечно Добр и бесконечно Мудр. Если бы не так, то Он не смог бы сотворить все таким прекрасным. И если Он так Добр и так Мудр, то Он непременно меня помилует». Посидев еще немного, я лег спать.

В ту ночь мне приснился удивительный сон...

Через некоторое время, когда был престольный праздник в соседнем селе, моя бабушка решила сходить в храм на службу и заодно посетить свою родственницу. Нина, узнав об этом, загорелась желанием пойти вместе с ней, чтобы побывать в храме, так как с тех пор, как ее крестили, она ни разу не была в церкви. Бабушка согласилась ее взять. Сестра попросила у меня денег для того, чтобы купить нам крестики (мы не имели на себе крестиков). Они собрались и пошли.

К большому удивлению, под вечер Нина с бабушкой были уже дома. Еще от самой калитки сестра закричала: «Миша, какую мы красивую икону видели! Если бы ты только знал! Правда, бабушка?!!» «Да», – ответила та.

По возвращении Нина пошла в дом, где живем мы, а бабушка – в свой. (У нас два дома в одном дворе. Хотели было забрать бабушку к себе в новый дом, но она сказала: «Я буду вам помехой, так как то стону, то кашляю», – и осталась в своем). Родители пошли вслед за бабушкой, чтобы послушать разные новости о родственниках, а я пошел следом за сестрой с тем, чтобы узнать, купила ли она крестики. «Купила», – радостным голосом сказала Нина и добавила: «Вот если бы ты видел ту икону, которую мы видели!..»

Достав крестики, один она дала мне, а второй взяла себе. Потом достала шкатулку с собственными принадлежностями, взяла из нее какую-то тесемку, нанизала на нее крестик и надела себе на шею.

Меня очень удивило то, что, надев крестик, она сразу, не сказав ни слова, пошла спать...

Через некоторое время пришли отец и мать. Они удивленно посмотрели на Нину, которая, даже не раздевшись, во всем том, в чем ходила, легла на диван. На ней была даже обувь. Трогать ее уже никто не стал – все думали, что это у нее от сильной усталости, так как подобного маршрута она никогда не проделывала.

Утром отец и мать пошли на работу. Бабушка, как обычно, занималась кухонными делами. А я, проснувшись, сидел и ждал, пока проснется сестра – мне хотелось ее кое о чем расспросить.

Долго ждать не пришлось. Нина поднялась, как-то удивленно посмотрела вокруг и, наклонив голову вниз, молчала. На ее лице была заметна какая-то печаль. Увидев это, я не стал ничего спрашивать, а решил понаблюдать, что будет дальше. Видно было, что она избегала всякого разговора. На любой вопрос отвечала коротко и неохотно. Периодически посматривала то на солнце, то на часы.

Когда приблизился вечер, Нина, не ужинав, улеглась спать раньше всех. Причем также как вчера – не раздевшись. И на сей раз ее никто не стал трогать. Таким же образом все повторилось и на третьи сутки...

Прошел примерно месяц. Однажды вечером мы сидели с сестрой в комнате вдвоем. Пользуясь тем, что нет посторонних слушателей, я рассказал ей то сновидение, которое мне было. Сестра внимательно выслушала и говорит: «Да, мне тоже было... только не

знаю, рассказывать тебе или нет». Я ответил: «Если от того мне будет польза, то, конечно, расскажи». И она начала рассказывать...

– Когда мы с бабушкой зашли в церковь, то у самых дверей увидели старушку, которая сидела и продавала крестики. Подойдя к ней, я купила два. Она сказала мне: «Они освященные, поэтому их освящать не нужно, а одевать и носить».

Взяв крестики, я пошла за бабушкой к середине храма. Вдруг мой взгляд упал на икону, которая стояла на столе, расположенном около стены. На ней была изображена Женщина. Эта Женщина была настолько красива, что я от удивления и восторга на всю церковь крикнула: «О, Царевна!!!» Когда я крикнула, то все обернулись в мою сторону. Я смутилась, наклонила голову вниз и так молча стояла. Постояв некоторое время, осторожно подняла голову и посмотрела вокруг. На меня уже никто не обращал внимания. Тогда я тихонько подошла к бабушке и сказала: «Посмотри, какая красивая икона!.. Вот если бы эту икону да забрать к себе домой!» Мои слова услышала бабушкина сестра – та самая родственница, у которой мы должны были быть в гостях после службы. Услышав, она сказала: «Когда служба окончится, мы подойдем к священнику и попросим у него эту икону. Я с ним в очень хороших отношениях, – может быть, он подарит ее».

С большим нетерпением ждала я окончания службы. Когда она закончилась, и почти все люди разошлись, мы подошли к священнику, и бабушкина сестра сказала ему: «Эта девочка – моя родственница. Она у меня впервые. Мне хочется сделать ей что-то приятное, но я не знаю что. Ей, вот, понравилась эта икона. Вы или подарите ее, или продайте, или обменяйте на какую-нибудь мою, ведь у меня много разных икон». Священник выслушал и сказал: «Любую икону я мог бы подарить, но только не эту. Она мне очень дорога. Когда я был еще семинаристом, то враг искусил меня. И когда я осознал то, что сделал, и, опомнившись, каялся – изнемогши от плача и покаяния, уснул. Когда же проснулся, то увидел, что бумажка, на которой расписался кровью, лежала у меня на груди, а эта икона стояла над головой. Потому я неразлучен с ней...» С того времени, видать, прошло много лет, потому что священник тот был уже очень старым.

Услышав, что он не подарит икону, я стояла и чуть не плакала. Мне не хотелось уже быть у родственницы, и я начала упрашивать бабушку, чтобы сегодня же возвратиться обратно. У родственницы ели, пили, веселились, но меня все это обходило стороной.

Когда мы возвратились домой, и я надела на себя крестик, то меня сразу начало клонить в сон. Я легла и сразу же уснула.

И вот снится мне, что я снова в том же храме, перед той же иконой... Вдруг вижу, что Женщина, изображенная на иконе, сделалась живой, и, обратившись ко мне, сказала: «Подойди ко Мне». С несказанной радостью я бросилась к Ней!.. «Иди сюда», – сказала Она. Я взялась за Ее руку и внезапно очутилась по ту сторону рамки...

Прежде всего Она взяла в Свою руку тот крестик, который я одела на шею, когда ложилась спать, и сказала: «За то, что ты надела его, Я дарю тебе вот этот». И я увидела в Ее руке крест. Он был не такой, как тот, что у меня на шее. Он отличался размерами и видом... Взяв его, я спросила: «А Ты только мне подарила такой крест?» Она ответила: «Такие кресты Я дарю достойным» (т.е. тем, кто их способен понести). Сказав это, Она повернулась в противоположную от рамки сторону и сказала: «Пойдем со Мной».

Шла Она очень быстро – я едва успевала за Ней. Будучи позади, я внимательно стала Ее рассматривать... А потом стала смотреть по сторонам... Вокруг были такие красоты, что ничего подобного я никогда не видела и не могла себе вообразить, что такое вообще может существовать...

Я попросила свою Спутницу:

– Расскажи мне, как это у вас здесь все так прекрасно устроено?

– Слушай, – ответила Она.

И начала рассказывать... Рассказывала долго. Что-то указывала руками. А я смотрела на Нее и ничего не слышала – видела только, как Она шевелила губами. Мне пришлось услышать только последние два слова: «Вот так».

– Когда Ты говорила, я ничего не слышала! – с горечью воскликнула я.

На это Она ответила:

– Ну, тогда услышишь, когда придешь из гостей домой навсегда...

М.К.[1]***:*** *Этот неуслышанный Ниной рассказ Царицы Небесной говорит нам о том, что мы, находясь в настоящем, неочищенном от страстей, состоянии, просто не можем вместить в себя небесную мудрость. Те же люди, которые сподобятся войти в Царство Небесное, будут, по учению Святых Отцов, постоянно преуспевать в любви и познании всего сущего.*

[1] Курсивом с пометкой «***М.К.***» выделены пояснения автора рубрики монаха Константина (*прим. ред.*).

Я спросила:

– А можно, чтобы все эти красоты увидела моя мама? Чтобы она сейчас была здесь с нами?

– Нет, – ответила Она, – твоя мать попасть сюда недостойна. Из вашей семьи сюда достойны попасть только ты, твоя бабушка и брат.[2]

– А откуда Ты знаешь, что у меня еще есть бабушка и брат?

– Я все обо всех знаю.

– Если Ты все обо всех знаешь, то расскажи мне про мою бабушку. Мне ничего неизвестно о ее жизни.

И Она начала рассказывать:

– Иулиания в молодости была очень верующей. Но в (таком-то) году она пошла в церковь освящать пасху. И случилось так, что по освящении пасхи, когда она возвращалась домой мимо открытых дверей церкви, то услышала, как церковный причет ругается между собой разными непристойными словами. Они не могли мирно поделить то, что насобирали. Услышав такую брань церковных служителей, Иулиания подумала: «Куда мы ходим и чему мы верим?..»

М.К.: *Увы – как часто мы, христиане, совсем не задумываемся о том, что нашими непристойными словами и делами соблазняются другие люди, теряют веру, и даже отпадают от Церкви. А мы не осознаем этого греха, не каемся и не исправляемся. И только в час смерти узнаем, сколько душ повредилось из-за наших нехристианских поступков...*

С этого времени ее вера начала угасать. Но кому мало дано, с того мало и взыщется...

М.К.: *Несмотря на то, что вера у бабушки была сильная, она была простая и неискушенная, как бы детская – в силу устроения этой души. Детская вера сильна своей простотой, своей непосредственностью. Однако она слаба тем, что не испытана и не закалена в горниле различных противодействий, а потому может быть легко угашена со стороны людей, которых эта душа почитает лучшими и высшими себя. Но «кому мало дано, с того мало и взыщется»[3] – большее горе будет человеку, «через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).*

...Всю свою жизнь она не прожила, а промучилась...

М.К.: *А промучилась бабушка потому, что были очень трудные условия жизни. Иулиания происходила из бедной семьи. Вышла замуж за вдовца с двумя детьми, который был из семьи зажиточной и имел очень тяжелый характер. Он часто оскорблял Иулианию, бил, всячески уничижал, она же все это благодушно терпела. Однако эта мягкость проявлялась лишь по отношению к себе – не защищала она только себя. Что касалось других, Иулиания была очень мужественна и решительна. Примером тому может служить следующий случай. Соседку часто бил ее пьяный муж. Иулиания, убедившись, что женщину обижают безвинно, ревностно встала на ее защиту. Однажды она дала серьезный отпор обидчику. Пьяный дебошир полетел, ударился о стенку и, совершенно не ожидая такого оборота дела, с того времени стал с удивлением и страхом посматривать на защитницу. После этого он уже перестал бить свою жену. Вот такое было отношение у бабушки к чужим бедам. Сама же она, как и сказала Царица Небесная, не прожила, а промучилась, терпеливо перенося жестокий характер своего мужа – за что после смерти и удостоилась утешения и вечной радости.*

Она полностью сохранила верность своему мужу. За всю свою жизнь она никого не осудила и ни с кем не поругалась. И за это ей будут прощены ее грехи...

Но для того, чтобы ей простились те грехи, которые она делает в неведении, перед кончиной ей будет послана болезнь. И в гроб Иулиания ляжет с чистой душой.

М.К.: *В свое время эти слова Царицы Небесной сбылись. В конце жизни бабушка заболела туберкулезом, от которого сильно страдала.*

– А расскажи мне про моего дедушку. Куда он попал: в рай или ад? Он уже умер.

– Михаил?

– Да.

– О нем Я пока не скажу ничего, потому что его будут судить еще люди. Незадолго перед своей кончиной он ходил в храм молиться, но об этом ваша семья ничего не знает, так как он этого дома никому не говорил.

М.К.: *Дедушка прожил всю свою жизнь без веры в Бога. Как говорил Михаил-младший – будущий монах Давид – особо сильно на дедушку повлияла в молодости беседа с бывшим школьным товарищем. Времена тогда были революционные, кругом было всеобщее брожение, Церковь находилась в поношении и презрении. Но у Михаила еще теплилась какая-то вера. Потому, встретив своего школьного друга, который к тому времени стал священнослужителем, он решил с ним серьезно поговорить. «Друг, скажи мне честно, – обратился к нему Михаил с вопросом, – есть Бог или нет?» – «Да я и сам не знаю, есть Он или нет!» – ответил с иронией священник. После такого ответа Михаил, конечно же, сильно соблазнился. С тех пор он окончательно отпал от Церкви и от веры, и всю оставшуюся жизнь прожил мирским, страстным человеком.*

Однако, как видим, совесть в глубине души не давала ему покоя, и уже перед смертью, втайне от всех своих родных и близких, он пошел в церковь и молился. И потому есть надежда, что эта молитва произвела какое-то благотворное действие на его последующую, загробную участь. К тому же, как сказала Матерь Божия, «его еще будут судить люди», поскольку Михаил отпал от веры в Бога через соблазн от людей. Это дает повод думать, что посмертная участь дедушки еще не определена окончательно, и за него нужно усиленно молиться.

– А расскажи мне про моего брата.

– Твой брат в детстве был верующим, и Я любила его. Но после он отошел от веры, и Я на него рас-

---

[2] Это вовсе не значит, что остальные члены семьи оказались как бы «лишенными» надежды на спасение или, по крайней мере, на облегчение своей загробной участи – что и явствует из дальнейшего повествования. Но «сюда» (в то место, которое было показано Нине) они по состоянию своей души попасть попросту не способны *(прим. ред.)*.

[3] Ср.: Лк. 12, 48 *(прим. ред.)*.

сердилась[4]. И когда одна женщина из Заречья (наше селение разделено на две части: на центральную часть и на Заречье; мы живем в центральной части) просила Меня послать ему болезнь, которая у него была, Я долго не хотела...

М.К.: *Внешним поводом к напасти, постигшей Михаила, послужило – насколько я понял из бесед с монахом Давидом – следующее обстоятельство. Некая девушка испытывала к Михаилу сильную страсть и назойливо везде его преследовала. Но Михаил не обращал на нее внимания. Тогда, обозлившись, девушка решила отомстить ему таким вот образом – прибегнув к «помощи» колдуньи.*

Что же касается просьбы колдуньи о послании болезни, то здесь нужно вспомнить следующую евангельскую историю: «И когда [Иисус Христос] прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем. И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас. Вдали же от них паслось большое стадо свиней. И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней. И Он сказал им: идите. И они, выйдя, вошли в стадо свиное. И вот, все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде» (Мф. 8, 28-32). Как видим, бесы испрашивают у Господа позволения повредить ***даже свиньям****! Это значит, что их действия строго ограничены Промыслом Божиим. Потому и служителям бесов приходится в каком-то смысле «просить» Творца всяческих, чтобы иметь возможность как-то навредить людям.*

...Но для того, чтобы оправдать его перед Сыном Своим на Страшном Суде, Я согласилась... От этой болезни твой брат сильно страдал и никто не мог ему помочь. И тогда он поехал к одной женщине, которая просила Меня, чтобы Я избавила его от этой болезни. (О том, что я ездил лечиться к той старухе, никто не знал. В том числе, об этом абсолютно ничего не знала и сестра). Я не хотела ему помочь, чтобы болезнью он искупал те грехи, которые делал. (Теперь я понял, почему та старуха сказала: «что-то очень трудно отходит»). Но потом увидела, что он поверит, и помогла ему...

М.К.: *Пусть не удивляет и не смущает некоторых то, что бабки вроде бы «молились», и Матерь Божия их «услышала». В этом случае более верным будет говорить не о услышании их молитвы, а о том, чему учит нас святитель Игнатий Брянчанинов: «Вне зависимости от Бога не совершается и не может совершиться ничто. Одно совершается по воле Божией, другое совершается по попущению Божию... Судьбы и действия Божии идут путем своим; действия человеческие и демонские идут также путем своим... Судьбы Божии присутствуют и действуют в среде событий, совершаемых человеками и демонами, как тончайший дух среди вещества, не завися от вещества...» (2-й том, «Судьбы Божии»).*

А потому неверно в этом случае говорить, что Матерь Божия «слышит» и «исполняет» просьбы бабок – люди, состоящие в каком-либо общении с богопротивником-диаволом, такой чести не сподобляются. Рассуждая об этом, нужно обратить внимание и на другие слова Матери Божией, в частности на то, что Она сказала: «Я все обо всех знаю». Следовательно, знает Она слова, желания и действия каждой той бабки. Знает также, что Михаил в дальнейшем обратится к вере и покаянию. Знает и то, что болезнь послужит ему во оправдание на Страшном Суде, а борьба со страстями и бесами вменится ему в подвиг. Вот потому Промыслом Божиим было дано место скорбям, которые постигли Михаила от служителей тьмы. И было ясно сказано, для чего: ***«для того чтобы оправдать его на Страшном Суде»*** *– вот причина, по которой попускаются нам болезни. Только в том случае исполняется на нас чье-то злое желание (человека или демона) – если Господь предвидит, что оно может нам, в конечном счете, принести вечное благо – человек, кратковременно быв испытан этим злом, примет какую-то милость от Бога. Тогда оно (это испытание злом) попускается, и чье-то злое желание исполняется. А если нет – то нет, и никогда не допускается, чтобы это произошло.*

Нужно понять, что зло (т.е. внутреннее злое настроение воли) демоническое и человеческое имеет непрестанное устремление и напор к осуществлению его на деле, как сказано в Псалтири: «Аще не Господь бы был в нас, убо живых пожерли быша нас» (Пс. 123, 2). Но всесильная десница Божия сдерживает это злое устремление. А попускает в какой-то (незначительной) степени осуществиться злу как «встряске», чтобы, например, неверующий пришел к вере, беспечный серьезнее задумался над смыслом жизни, осуетившийся вспомнил о приближающейся смерти, гордый и самодовольный познал свою глупость и смирился, маловерный укрепился в вере и надежде на Бога, нерадивый начал каяться и подвизаться, пребывающий в богозабвении начал молиться и т.д.

Итак, если Господь усмотрит, что какому-то человеку сегодня будет полезна горькая «пилюля» какого-то злополучия, то и попускает ее в известной Ему «дозе» через что угодно и кого угодно, в том числе через колдунов и бесов (кои реально существуют). Но все это в крепких рамках всеблагого и всепремудрого Промысла Божия, которому мы, православные христиане, несомненно веруем «не боящеся ни единого страха» (1 Пет. 3, 6) ни от людей, ни от демонов. Мы только должны бояться чем-то согрешить, чем-то оскорбить Бога, но не должны бояться ничего иного. А через кого или что касаются нас какие-то злополучия (или через несчастный случай, или природные катаклизмы, или через смену обстоятельств, или через какого-то человека, или демона, или даже безо всякого постороннего воздействия – как бы естественно) – это уже не столь важно. Если цель всеблагого Промысла о человеке достигнута, то воспитательное злополучие отнимается от такого образумившегося человека. Как видим на примере Михаила – будущего монаха Давида – он смирился в своей самодовольной гордости, уверовал, начал каяться, молиться, просить об исцелении – и исцелился.

(Продолжение следует)

[4] «Рассердилась», разумеется, не в нашем общепринятом смысле. Речь Царицы Небесной предельно проста по понятным причинам – ведь Она разговаривает с ребенком *(прим. ред.)*.

Старица Михаила

Из воспоминаний о схимонахине Михаиле (Сарычевой)

Часть 3

Схимонахиня Михаила (Сарычева; † 1976)

Некоторое время матушка переходила из дома в дом. Жила немного у Нюриной сестры – Шуры (схимонахини Македонии), а потом случилось вот что... Одна женщина, Клавдия, пришла зимой к матушке с девушкой по имени Ксения. Привезли на саночках картошку и еще немного разных гостинцев для мать Михаилы. Клавдия и говорит: «Матушка, вот эта девушка просилась к тебе». Та ей отвечает: «Ну, пускай заходит». Как Ксения зашла, то матушка и говорит так радостно: «О, да ты привела-то мою послушницу, я буду с ней жить до смерти. Она меня и схоронит». Так и сбылось. У Ксении мать была очень верующая. Они жили в своем домике в селе Талицкий Чамлык Липецкой области. Вначале они жили в доме на два хозяина. Потом решили купить особнячок. Купили домик, а он был такой плохой, прямо непригодный для жилья. Пришла смотреть и матушка. Поглядела и говорит: «Ксюша, больше не ищи, этот дом – наш. Я в нем доживу до смерти». Потом его немножко подстроили, да так матушка в нем и дожила.

В доме комната была одна, но большая. Отделили перегородкой маленькую каморочку для матушки, там она и находилась без прописки. И люди потянулись к матушке за духовным советом. А в это время очень строго было – власти за все духовное преследовали. Ксения очень переживала, что соседи замечают, что к ним идут люди. Матери Михаиле все это было открыто, она Ксении и говорит: «Пока я живу тут, тебя никто не тронет». Председатель сельского совета узнал, что кто-то живет в этом доме посторонний, решил проверить. Пришел рано утром – хочет постучать в окно, а не может – руку как будто кто-то отбрасывает. С тем и ушел, подивившись. Потом он об этом Ксении рассказал: «Вот, ведь, не мог зайти к вам никак». Та рассказала об этом, а матушка и говорит: «Это Михаил Архангел стоял с мечом и не допускал его постучать». Так и до самой смерти мать Михаила дожила спокойно. Поселилась она в этом доме в 1947 или 1948 году. Ксения стала работать парикмахером на селе. Председатель относился к ней хорошо, а в скором времени матушку и прописали. Но все равно, старались ходить тайком от лишних взоров. Одна монахиня вспоминала, что пройдут, бывало, низом и по огороду, сумки в кустах оставят и по меже, а то и вдоль картошки ползли до дома. А Ксения потом ходила, сумки забирала.

Еще когда Ксения ходила к матушке в село Вязковку, с ней произошел такой случай. Она уже бывала у отца Митрофана, и однажды отпросилась обманным путем с работы, чтобы побывать у батюшки. А во время ее отсутствия приходил начальник милиции и сказал: «Хорошо! Мы проверим, где это она бывает!» И вот она узнала об этом и ночью 15 верст от Талицкого до Вязковки бежала. Приходит и в слезы: «Что делать?» А матушка ей и говорит: «Ксюша, да что же ты за одним словом бежала-то целую ночь, да в такую даль? Да никто тебе и слова не скажет больше». И действительно, все обошлось.

В 1958 году послушница Ксения (в будущем схимонахиня Мелания) рассчиталась с работы, и с тех пор они были неразлучны, везде вместе. А произошло это так. Тогда Талицкий был районным центром Воронежской области. В райцентре был производственный комбинат (тогда он назывался промкомбинат). Это было одно небольшое здание. Там все располагались по комнатам: и швейная, и сапожная, и бондарская, и парикмахерская, в которой работала Ксения. И вот на этот комбинат дали директора, а он был человек жесткий, грубый. У каждого работника оплата труда была сдельная, т.е. в конце месяца работники должны сдавать выручку, чтобы им начислили зарплату. А директор придет к любому, заберет деньги, якобы на производственные нужды – то за лесом надо ехать, то запчасти покупать, а им на руки никаких подтверждающих бумаг не давал, все на словах. Против него никто ничего не мог сказать – все под таким страхом работали. Ксения не только не получала никакой зарплаты, ей даже в конце месяца нечем было отчитаться. Она приходит домой и говорит: «Я уйду с работы, больше нет сил. Ведь ладно то, что зарплаты нет, но как мне отчитаться за то, что я месяц работала?» А матушка ей отвечает: «Нет, Ксюша, потерпи немного. Сразу работу не найдешь, да и с таким человеком связываться нельзя...» Прошла неделя, а перед выходными матушка ей и говорит: «Ксюша, скоро вашего директора не будет». Ведь по молитвам праведников Господь творит многие чудеса. Ни с того, ни с сего, директор сам начал звонить в Воронеж в управление, чтобы срочно прислали ревизора. После ревизор сам рассказывал, что там недоумевали: если директор сам

вызывает на ревизию, значит там все хорошо, зачем туда ехать? А он не унимается – все звонит и звонит. Вот командировали одного, посмотреть, чего хочет директор. Когда ревизор начал просматривать бумаги, оказалось, что там «темный лес» и он после этого сказал: «Когда я привезу результаты ревизии, его сразу уберут». И точно, директора почти сразу заменили. В общем, сам себя выдал и выгнал. Вот ведь чудеса!

Матушка в это время принимала очень многих людей. Одной схимонахине матушка как-то раз сказала: «Саня, ко мне много людей приходит и всем хочется со мною повидаться – лезут, целуют. А я посмотрю – у кого голова лошади, у кого свиньи, у кого козла». Я в ужасе! Думаю, ничего себе, больше не буду матушку целовать в щечку, может и у меня голова лошади! А ей мой помысел открыт был, она тут же и говорит: «Да нет! У тебя нормальная голова, не бойся, ты у меня как своя. И всю вашу семью считаю за своих, я ведь не про вас говорила. Ведь молюсь за вас и за всех ваших сестер». Мне тут много легче стало...

Мать Ксения рассказывала однажды вот что: приходит ее племянник раз из школы и разговаривает с Ксенией в сенцах. А матушка кричит: «Ксеня, Ксеня, скорее выгони бесов». Прибегает послушница и объясняет, что нет никаких бесов, один племянник ее. «А в сумке что? Скорее выгони бесов!» Мне потом объясняет: «Вот ты тоже забила свою головушку физикой да химией, а как выбьешь, тогда сразу легче будешь понимать духовное».

Приезжает однажды к матушке из Сибири Марфа (чей муж с осколком остался жив). Мать Михаила говорит ей: «Какая Марфа! Какая Марфа! Как ангел!» И при этом ходит приговаривает: «Господи помилуй, Господи помилуй... а почему не полностью – Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!» Смутилась Марфа: «А ведь правда, я так читаю поскорее, все ведь спешу, дел много – 10 детей, а так вроде бы легче». А матушка в сторону приговаривает: «Какая Марфа! Просто ангел, вот и хороша монашечка, хотя и 10 детей».

Приезжала с Марфой ее дочка Анастасия, еще девочкой. Матушка ей говорит: «А ты не уезжай на Кавказ, там будет жестокая война». Не поняли ни мать, ни дочка – какая война! Вышла замуж в Сибири, а муж из г. Грозного. Ее потом

Дом в с. Талицкий Чамлык, где жила последние годы матушка Михаила

мужнина родня звала жить в Грозный, а она вспомнила матушкины слова и не поехала. Прошло много лет, теперь все слова сбылись. Сестра Анастасии, Галина, помнит как матушка однажды сказала: «Этот Союз скоро развалится, как карточный домик».

Еще одной Марфиной дочке, Маше, матушка сказала: «Хорошая будет монашечка». Маша, как исполнилось ей 19 лет, заболела. Матушка благословила делать операцию на сердце. Сделали. Потом предложили вторую, но матушка сказала: «Теперь нельзя – смерть, поживи еще немного». Маша много трудилась. Как она хорошо вышивала схимы! Делала параманы схимнические, четки, трудилась через силу, умерла в 1995 году – схимонахиней Гавриилой.

Марфа спрашивала у мать Михаилы и еще про одну свою дочь – Татьяну. Таня хромая с детства. Предложили операцию, матушка не благословила – хуже будет. Сестры настояли, операцию сделали, теперь нога стала короче, и Татьяна хромает еще больше. Матушка также не благословляла ей выходить замуж, а если выйдет – то не разродится и при родах умрет. А Таня сказала: «Все вы слушаете батюшек да матушек, что я хуже других что ли?» Вышла замуж. Наступили роды. Несколько дней не могла родить. Уже умирала. Позвонили схиархимандриту Виталию (Сидоренко) в Тбилиси. Он молился. Только лишь за его молитвы она выжила. Жила плохо. Муж пил и даже все детское пропивал. Потом уже вспоминала матушкины слова, да поздно было.

Вспоминает схимонахиня Антония. Однажды матушка про Марфу сказала: «Марфа, у тебя 10 детей, и ни одного нет как ты»... Мы у матушки всегда все спрашивали, в том числе о женихах. Сватают мою сестру Екатерину за Ивана из другого села. Матушка благословляет. А Катя упрямится: не хочу замуж, с родителями буду жить. А нашей тете Фекле очень этот жених понравился – и красивый, и верующий, а Катька упрямится. Ну тетка и говорит: «Да ладно, у меня еще 4 племянницы есть, кого-нибудь сосватаем». Приходят однажды к матушке, а та с порога низким голосом: «Никто мне не нужен, мне Катюнька нужна. Бог ее благословил». Екатерина послушалась, вышла замуж. Слава Богу, до сих пор живут и Бога славят. Мне тоже многие парни делали предложение. Я ходила к матушке. А она: «Да у него еще молоко на губах, то не твой жених» и т.д. Однажды уж очень мне понравился жених. Прихожу и молчу. Со мной двоюродная сестра пришла – она с матушкой разговаривает, а на меня сон напал. Я и яблоко кислое съела, и щипаю себя, сон одолел и все тут – ничего не слышу о чем они там беседуют. Проснулась тогда, когда матушка, прямо глядя мне в лицо сказала: «А Саня наша нашла жениха красивого. Сейчас ты нос шиком держишь, а потом где будет твой шик, когда у него будет семь жен и пить будет». Грустно было, но матушку послушала. Жила в Сибири – работала там, женихов было навалом. Но почему-то я в них потом разочаровалась, сама не знаю, почему. Приехала к матушке, она и говорит: «Саня, сколько у тебя женихов было и все хорошие, за всех можно было выходить замуж, но Матерь Божия и

от них тебя сохранила – то пуговица верхняя на рубашке расстегнута, то ноготочки, то не так что-нибудь сказал...» Все это точно было, а я даже и не знала почему так поступала. А с ноготочками так было: пришел свататься ко мне красавец Толя, а у меня в гостях была Настя – Марфина дочка. Толя сидит и свой ноготь рассматривает от смущения. А я вдруг говорю: «Ася, принеси топор», она смотрит на меня: «Зачем?» «Толе ногти подрубить». Толя опешил, покраснел. А я себя за все это называла гордой и дурой. А когда мне матушка об этом сказала – я успокоилась. И Толя не обиделся.

Однажды пришла я со своей племянницей в с. Ячейка к отцу Митрофану. Матушка там была. Нас увидела и говорит: «Вот пришли две монашечки – крестная с крестницей». А моя мама все думала: «Вот когда Сане замуж надо будет выходить – мне в приданое ей дать нечего. Бедно живем. Хоть самотканый коверчик ей оставлю». А самой уж очень хотелось какую-то милостыню дать, а коверчик жалко – может Сане пригодится. Однажды матушка приехала в Ячейку, она всегда сперва к нам заходила, а уж потом к отцу Митрофану шла. Заходит и говорит маме: «Тетка Варя, до каких пор будешь держать на чердаке коврик, уже 6-й раз прихожу, а ты все не решишься – ведь Матерь Божия сразу записала твою милостыню и все ждет». Та стрелой на чердак за ковриком. Потом мама вспоминала, как сразу на душе легко стало, а то ведь все враг удерживал – вдруг дочке надо будет.

Помню пришла к нам матушка, мы еще с сестрой Катей подростками были. Матушка сидит в сенцах – тут прохладно. А мы рядом с ней – положим руки ей на колени и сидим. А она много нам говорила и все про портных. Мама говорит: «Наверное, портнихами будете». Вот Катя и стала портнихой, работала мастером в ателье.

Наша мама Варвара любила матушку встречать. Она уж прибережет к ее приезду и дыньку, и арбузик, хороших помидоров и сливочки ей подаст. Матушка очень благодарна всегда была. И всех нас она любила, за всех молилась. Поступила я учиться, но благословения не стала брать ни у отца Митрофана, ни у матушки Михаилы. Что ж думаю, дело и так хорошее – а мне очень хотелось учиться, а спросить боялась – вдруг не разрешат.

Я действительно поступила учиться в политехнический институт на химическое отделение, хотя работала в аптеке фармацевтом. Потом мне предложили перейти на другое отделение в этом же институте и в этой группе (на отделение душистых и лекарственных трав), но я отказалась. Когда закончила два курса, открылось еще одно отделение: «синтетический каучук». Решила перейти туда. После окончания трех курсов заведующая аптекой уговорила меня перевестись

Матушка Михаила с послушницами

в фармацевтический институт. Не отпускали меня долго, но потом отдали документы и я стала студенткой Пермского фармацевтического института, куда меня зачислили сразу же на третий курс.

Однажды я на каникулы приехала домой в Ячейку, а тут и матушка к нам пришла. Мама, как обычно – все на стол, а мать Михаила с порога зашла, села на раскладушку, лицо меняется, как огнем горит. Как стукнет посохом об пол: «До каких пор я буду ждать, когда ты проснешься, род гибнет! Род гибнет, нет в роду ни одного молитвенника, все погибают – живые и мертвые! Нет тебе благословения учиться! Вся эта затея на погибель твоей души!» Страх напал на всех. Мы маме киваем, чтобы она отстала теперь с едой, в этот момент нельзя перебивать. Папа даже в другую комнату ушел. Так уж она грозно говорила и посохом об пол стучала! Сижу я и думаю: «А какая я молитвенница? За свой род я ведь работаю...». А матушка мне на мои мысли отвечает: «Ну и что? Работаешь и будешь работать, будешь и молитвенницей. Пора опомниться – род гибнет». Я ей три раза задавала вопрос: «Что? Мне сменить профессию или нет?» А она мне прямо не отвечала, а только все: «Род надо выручать». В учебе потом не получилось ничего – не по моей воле. Я стала молиться святителю Николаю. И получилось вот что: приближалась зимняя сессия, но ни одной контрольной работы мне не прислали. Телеграммой из института известили, что документы лежали под скатертью, виновник наказан, но время упущено: 25 контрольных сдать я никак не успеваю. Мне предложили перейти... на второй курс. Но я переходить не стала. Так закончилась моя учеба. Монахиней я стала, а вот молитвенницей нет – спать люблю, молиться ленюсь. Матушка тогда еще предсказывала: «Никто из твоего рода молиться не начнет, только ты должна начать».

В другой раз матушка рассказывала, какое ей было про меня видение: «Иду по полю, поле большое, но пустое, ни одного снопочка нет. Споткнулась. Гляжу, в ногах плохонький такой снопочек – и развязался, а из снопа как посыпалось золото. Побежали снопы один за одним и в копны сами укладываются, много набежало снопов».

Мама моя Варвара умерла, матушка за нее много молилась. На 40-й день пришла к ней усопшая, как наяву, поклонилась матушке и сказала: «Матушка, я дух!» Мать Михаила спрашивает: «Тетка Варя, как тебе в загробном мире, хорошо?» Та и отвечает: «За твои и за батюшки Митрофана молитвы мне хорошо, а если бы сама много молилась, то было бы еще лучше. Очень мне хорошо еще и за то, что я пускала ночевать людей из других мест, которые приходили в церковь к празднику. Если бы я знала, что так хорошо за это будет, то я бы выходила на дорогу и зазывала бы к себе (а сама при этом жестом показала, как бы она зазывала)». «А что там делаешь?» – спрашивает

матушка. Та отвечает: «Пою: "Буди имя Господне благословенно от ныне и до века". Господа я не вижу». Матушка попросила спеть. Она спела и говорит: «Петь не умела я живая, а вот и пою, как говорю. Жалею, что подушечку не дала». А матушка говорит: «Мне девчата много всего дали». Она отвечает: «Это хорошо, но хоть маленькую подушечку тебе отдать». Мать Михаила мне это потом рассказала. После этого приехала однажды матушка к нам в Воронеж, я уже там жила. Сидит, разговаривает. Я Ксению, послушницу ее, отзываю в другую комнату и говорю ей: «Вот маме хотелось дать матушке подушку, так я хочу исполнить ее желание. У меня есть подушка 90х90, я уже сшила наперник и наволочку поменьше – 75х75 и не успела пересыпать. Мать Ксения и говорит: «Большая... Сожми ее со всех сторон, она будет казаться меньше, и преподнеси ей сейчас. Это очень дорого – она в руках подержит и помолится, а пришлешь позже 75х75». Сказано – сделано. Выношу подушку со словами: «Вот тебе подушечка от мамы, не ожидала?» Матушка берет подушку за угол, да как встряхнет ее, она такая стала большая, и приговаривает: «А хочешь монашечкой быть... А Матерь Божию обманываешь. Вот только эту подушечку нам нужно без всяких новых наволочек. Заметь, только эту». А наволочка на ней была не на пуговичках, а с ленточками, но она запретила ее менять. Стыдно мне стало и перед Богом, и перед матушкой, за то, как мы не чисты сердцем.

Пришла в тот же раз к нам одна женщина, сестра Миши больного, который и по сей день в Покровском соборе с кружкой ходит. У них умер отец. И вот она принесла матушке отцовское пальто, тяжелое такое, из свойской шерсти, хорошее, чтобы помянуть папу. Матушка взяла в руки, смотрит: «Вот какая дорогая жертва, самая большая». А Ксении говорит: «Пусть Нюра (вторая послушница) отнесет завтра такой-то вдове».

После смерти мамы и отца приехал к нам в Воронеж мой брат, инвалид с детства. Пенсия 12 рублей, работать не может, задыхается. Главное то, что он один в доме родительском остался – мы все кто куда разъехались. Он унывает, как жить дальше. А я говорю ему: «Не горюй, Коля, я тебя не брошу». Он как заплачет... Приехала я к матушке, рассказала ей, что Коля в унынии. Меня Ксения покормила на кухне. Вдруг матушка меня зовет: «Знаешь, что я тебе скажу? Твои слова Господь записал, что не бросишь брата, теперь смотри!» Так и не бросила его. Зимой он ко мне в Воронеж приезжал, а летом я к нему в Ячейку.

Наша сестра Пелагея всю войну жила у нас. С мужем она жила очень короткое время. А тут – война. После войны он прислал письмо и зовет ее к себе в Воронеж. Она говорит: «Не поеду, буду с родителями жить». А матушка благословила ехать: «Будешь жить с ним. Детей нарожаете, будешь их воспитывать». Детей было 8 человек. Пелагея всегда приедет, подведет детей под благословение к матушке, а мать Михаила ласкает их. Потом, когда выросли, стали жениться да замуж выходить. А все без венца. Вот мне матушка как-то и говорит: «Ты передай Пелагее, пусть не препятствует дочерям выходить замуж без венца. Плохо – но с одним, а то будут блудницы – со многими».

(Продолжение следует)

ДАРЬЮШКА

Она была невестой Николая, сына Петровны, почтенной вдовушки села Коломенское. Знакомство Дарьюшки с Николаем было хорошее, честное. Они понравились друг другу и собирались повенчаться, но вот неожиданно беда обрушилась – разжигалась война, и Николая забрали в дружины Московского князя.

– Не забудешь меня? – спрашивала Дарьюшка Николая, прощаясь с ним.

– Нет, я тебя никогда не забуду, Даша, – говорил ей Николай. – Бог видит, что я крепко люблю тебя.

Они простились, и Николай уехал на войну. Дарьюшка поплакала о своем женихе и все молилась за него Царице Небесной, чтобы Она вернула его обратно домой.

Произошло страшное сражение с воинственными кочевниками, и Николай был тяжело ранен в голову. Санитары завязали ему всю голову и лицо бинтами, и он долго лежал в больнице. Глубокая рана копьем в лицо и голову сильно болела, и Николай молился Богу, чтобы Он или послал ему смерть, или дал терпение. Писем матери и Дарьюшке он не писал, чтобы их не расстраивать. От невесты же получал частенько, и эти письма его ободряли.

Дарьюшка, не зная, что Николай тяжело ранен, писала ему, что ждет его домой, и молится за него Царице Небесной, и что сильно соскучилась.

Николай пролежал в больнице около года, и его отпустили домой. Идя домой, он думал: «Ну, кому я теперь нужен? Лицо у меня обезображено, голова больная, и на кого я теперь похож?»

Когда он подъехал к своей деревне, печальные мысли еще сильнее стали мучить его. Он зашел за первый сарай, вынул осколок зеркала и еще раз посмотрел на свое лицо.

– О, Боже мой! – воскликнул он в страхе. – Какой же я страшный, как я явлюсь к своей маме, как покажусь своей Дарьюшке? Постояв, подумав, он что-то решил, и, поправив сумку, зашагал к родному дому... Вот и знакомый заборчик, вот и старые разрушенные ступеньки, а вот и сама старушка-мать стоит во дворе и кормит курочек.

– Бабушка, – обратился Николай к своей маме, – вы будете Анна Петровна Иванова?

Старушка остановилась, как вкопанная. Она смотрела на незнакомого солдатика, вглядываясь и его лицо, потом сказала:

– Да, я буду Петровна, а вы что, служивый?

– Я от вашего сына Николая, мы вместе служили, он...

Петровна ахнула: «Боже ты мой милостивый, от сынка Коли вы, ну в хату, в хату мою зайдите, расскажите же про него. Где он сейчас?»

Николай обрадовался, что мать его не узнала. Он зашел в хату, не раздеваясь, сел на деревянную скамейку и стал кое-что рассказывать Петровне о ее сыне Николае. Потом, между прочим, сказал, что Николай просил его лично передать от него привет его невесте Дарьюшке. Петровна быстренько постучала соседке, и та побежала к Дарьюшке, сказать, что от Коли пришел человек, и через него Николай передает ей поклон.

Не прошло и пяти минут, как в двери торопливо постучалась Дарьюшка. Вбежав в хату, она поклонилась служивому и Петровне. Но что это была за Дарьюшка! Стройная, скромная, с добрыми голубыми глазами, приветливая и обаятельная душа. Смотря на свою невесту, Николай чуть было не заплакал, но взял себя в руки и твердо решил уехать, оставить, пусть с Богом живут, матери потом буду помогать, а Дарьюшка найдет себе хорошего мужа. Дарьюшка же села подле солдатика и так мило и любезно расспрашивала о своем Коле... Потом вместе с Петровной Дарьюшка стала упрашивать служивого перекусить чего-либо, ведь он с дороги, но Николаю было тяжело оставаться дальше. Слезы душили его, он решительно встал, взял свою шапку и, кланяясь, сказал: «Простите меня, добрая Анна Петровна и ты, девушка Даша. Бог вас не оставит, да вернет Он вам Колю живым и здоровым». Петровна заплакала. Дарьюшка отошла в угол, залившись слезами.

– Если что захотите узнать о вашем Коле, – сказал служивый, то напишите мне вот по этому адресу, я там побуду некоторое время.

Николай положил на стол листок бумаги с адресом и... вышел.

– Боже, Боже мой! – прошептал он с горечью. – Да как мне тяжело, тяжелее той смертельной раны, которую я получил в бою... Но куда же я пойду от родного дома? Куда? Куда?

Из хаты слышался женский плач. Постояв минуту, Николай пошел в другое село, где его никто не знал, кроме старого знакомого, чей адрес он и оставил матери и Дарьюшке.

Что он, бедный, пережил за эти дни! Какую горечь, какие муки! Придя в чужую деревню к дальнему своему знакомому, Николай долго не мог успокоиться. Ему ничто было не мило, душа только и думала о родной оставленной матери и невесте.

– Прав ли я, что покинул их, – думал Николай, – но какой же я теперь работник матери и какой я муж красавице Дарьюшке? Лучше уйти с дороги, пусть Даша найдет себе мужа хорошего, красивого, здорового, а я что? Всю жизнь, бедная, со мной будет мучиться...

– Кажется, кто-то стучит? – подумал Николай. Действительно, в ворота вошли две женские фигуры. Николай в окно видел, как они расспрашивали хозяйку о чем-то. «Боже мой! – Николая бросило в жар. – Да это, кажется, его родная мать, другая похожа на Дарьюшку».

– Да нет же, – думает Николай, – быть этого не может. Он вытирает холодный пот со лба. Вот одна, что старше, идет в хату, молодуха осталась во дворе...

– Где служивый-то, – входя в хату, взволнованно говорит Петровна. – А вот он, милый ты мой, с тех пор, как ты ушел от нас, я весь покой потеряла, сдается мне, служивый, что ты – мой родной сынок Николай, сердце мое разрывается на кусочки. Скажи, милый, всю-то правду, вон и Даша вся измаялась, пришла со мной и ждет во дворе. – Петровна говорила, а у самой слезы лились ручьем. Она неотрывно смотрела на изуродованное лицо сына и все больше признавала в нем родные черты.

Николай больше не мог скрывать свое волнение. Он упал перед матерью на колена и сказал: «Прости меня, мама, ради Бога, я не хотел опечалить вас своим уродством».

Петровна горько заплакала и бросилась обнимать своего родного сына. Дарьюшка, услышав в хате крик, догадалась, что это кричит мать, узнавши своего родного сына, бросалась в хату и с плачем также стала обнимать Николая.

– Родной ты наш Коля, – причитала Петровна, – да что это ты придумал, – ведь ты дорог матери, какой бы ни был искалеченный...

– Коля, родной мой Коля, – шептала Даша, плача, – или ты думаешь, что я разлюбила тебя, ведь такой ты мне еще дороже стал. Ни на кого я тебя не променяю, Коля...

Женщины плакали, плакали хозяева, плакал и сам Николай. Он понял, что святая любовь безкорыстна, что русские матери, девушки русские никогда не разлюбят своих сынов и своих женихов, какие бы они не были искалеченные войной, или несчастным случаем, или пагубным временем. Они всегда будут верны своим любимым, и никто, ничто не сможет изменить или осмеять их любовь!..

...Николай и Дарьюшка поженились и жили в доме Петровны. Мать, сын и невестка были счастливы, благодарили Бога и Его святую правду.

Русская пословица говорит: «Счастье не в красоте, а в правде и любви».

Архимандрит Тихон (Агриков).
«МАТЕРЬ СВЕТА»

НАУЧИ МЕНЯ, АНГЕЛ, МОЛИТЬСЯ...

Научи меня, Ангел, молиться,
Чтобы мне не погибнуть во тьме,
Чтобы чистая совесть – глас Божий –
Всегда говорила во мне.
Научи меня, Ангел, молиться
С чистым сердцем и с чистой душой,
Чтоб могла обрести я смиренье,
Вместе с ним и блаженный покой.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб молитва не в грех мне была,
Чтоб держать мне под строгим контролем
Мои мысли, дела и слова.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб чужие грехи не считать,
Чтоб своими всегда заниматься,
В покаяньи стяжать благодать.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб судьею мне людям не стать,
Чтобы каждого человека
Лучше себя я могла почитать.
Научи меня, Ангел, молиться,
Среди зла мне беззлобье хранить,
Чтобы в любом человеке
Образ Божий поклонно почтить.
Мир так зол, что его не опишешь
Самым строгим и острым пером.
Помоги же мне, Ангел небесный,
Чтоб на зло отвечала добром.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб людей от грехов отличать,
Чтобы только сам грех ненавидеть,
А людей всех любить и прощать.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтобы людям могла помогать,
Чтоб людей от грехов отвращая,
Мне самой им соблазном не стать.
Научи меня, Ангел, молиться,
Крест без ропота свой донести,
Чтобы жизнью своей христианской
Славу Богу могла вознести.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб за веру прощенными быть,
Вечным счастьем в раю наслаждаться,
Со святыми и Богом нам жить.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб грехи у Креста не скрывать,
Чтобы их я могла безпощадно
Плетью духовную гнать.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб молитва была вся из слез,
Чтоб простил все грехи мне Спаситель,
Душу в Рай в свое время вознес.
Научи меня, Ангел, молиться
За детей, мужа, ро́дную мать,
Чтоб Господь Своей щедрой десницей
Подал грешным Свою благодать.
Научи меня, Ангел, молиться
За родных, за знакомых, друзей,
Чтобы им безнадежно не плакать
У затворенных Райских дверей.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб в молитве врагов не забыть,
Чтоб от чистого сердца широко
Им прощенье с любовью дарить.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб ценила я Божью любовь,
Чтобы я на земле не топтала
Им пролитую Чистую Кровь.
Научи меня, Ангел, молиться,
Научи меня Бога любить,
Чтобы мне у Него научиться,
За любовь лишь любовью платить.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтобы помнить страданья Христа,
Чтоб под гнетом скорбей и болезней
Не упасть, не сойти со Креста.
Научи меня, Ангел, молиться,
Помоги мою душу спасти,
Чтобы крест, как великий дар Божий,
Вместе с тобой донести.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтобы вера главою была,
Чтоб всей жизнью моей управляла,
Чтоб плоды покаянья дала.
Научи меня, Ангел, молиться,
Научи меня праведно жить,
Чтобы мне на земле многогрешной
Без Царя в голове не ходить.
Научи меня, Ангел, молиться
Так, как будто зову из огня,
Чтобы каждая клетка взывала:
«Боже, помилуй меня!»
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб молитва как пламень была,
Чтоб грехи я в слезах утопила,
Чтоб душа белей снега была.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб молилась я ночью и днем,
Чтоб врасплох меня смерть не застала,
Чтоб была я под Божьим крылом.
Научи меня, Ангел, молиться,
Чтоб последнее время беречь,
Чтобы ты в день последний, день судный
Не поднял надо мною свой меч.

Алла, с. Болховское

Именины

Лиза с мамой, папой и тетей Аней жили на даче. Стояла теплая погода. Как-то вечером мама позвала Лизу:

– Ты теперь большая девочка, – сказала она. – Ведь завтра день твоих именин, день, когда церковь прославляет святую Елизавету, имя которой ты носишь. Она будет особенно молиться о тебе перед престолом самого Бога, а ты должна особенно стараться не огорчать ее дурными поступками и недобрыми чувствами. Завтра в церкви перед Причастием вспомни обо всем плохом, что ты сделала, постарайся набраться решимости никогда больше так не поступать, попроси святую Елизавету помочь тебе в этом. Но и про Ангела Хранителя не забывай. Ты же помнишь, что означает слово Ангел? Оно означает – вестник. Так называют Ангелов потому, что они прилетают к людям с поручениями от Бога.

Перед сном в своей кроватке Лиза долго смотрела на звезду, заглядывающую ей в окошко.

Когда Лиза щурила глаза, то между ней и этой звездочкой протягивался тонкий-тонкий зеленый лучик.

– Вот, наверное, по такому лучу и сходят Ангелы на землю, – думала Лиза. Она проснулась раньше, чем всегда. Шторы золотились от солнца и надувались, как парус в том месте, где была открыта форточка. Мама еще спала, а рядом с Лизиной кроватью стояло нечто такое, от чего ее сердце так и дрогнуло от радости! Это был столик с подарками, покрытый сверху чистой белой скатертью. Вырисовывались какие-то углы, какие-то жесткие и мягкие непонятные предметы. Лиза вскочила, разбудив этим маму, и они вместе стали смотреть подарки. Там был крендель от тети Ани, большая кукла от папы, чайная посуда на подносике от мамы, лото от Феди, Лизиного двоюродного брата, и несколько книжек с картинками. Лиза прижала к себе куклу и танцевала вокруг столика.

Потом Лиза в белом платье и с белыми бантиками в косичках была в церкви. Церковь стояла на горе в белой ограде, а купола у нее были голубые с золотыми звездами. Окна были открыты, и через боковое верхнее окно на иконостас лился поток солнечных лучей. Вдруг в окно влетела птичка и стала носиться перед алтарем. Лиза сначала следила за лучами и птичкой, но вспомнила, что в церкви нельзя думать о постороннем, и стала слушать пение.

Когда они причащались, мама подняла ее и поднесла к Святой Чаше. Лиза очень волновалась и старалась затаить дыхание, чтобы хоть на одну минутку не иметь никаких грешных мыслей. «Если я так смогу ни о чем не думать хоть полминутки, то я буду в это время безгрешна, как сама святая Елизавета!» – говорила себе Лиза, но делать это ей никак не удавалось. От того, что она причащалась, от света солнца и огоньков свечей, от пения и синих клубов ладана Лизе было празднично, так торжественно и радостно, что она стала от души молиться своему Ангелу.

– Наверное, он сейчас здесь, – думала Лиза. – Если очень быстро повернуться, может быть, я его увижу. Поэтому и все люди в церкви стали такими милыми и ласково на нее смотрят. Лизе хотелось всем им сделать что-то приятное, подарить что-нибудь. Она извинилась, когда толкнула какую-то полную тетю, и старательно уступила дорогу старичку с палочкой. Всех-всех она жалела и любила в эту минуту...

Когда вышли из церкви, пришлось переждать короткий крупный дождь. Он сыпался при солнце и, когда прошел, все вокруг: облака, деревья, птицы – все ликовало и пело, как Лизина душа.

Весь этот день был хорош. Были гости, был сладкий пирог, потом играли в саду. Лизе было очень весело. Но, ложась спать и вспоминая свои именины, Лиза почувствовала, что все-таки самое лучшее было в церкви, когда она полюбила всех людей, и когда ей показалось, что она чуть-чуть не увидела своего Ангела.

О. Лихачев. «Основы православной культуры для детей дошкольного возраста»

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 6000 экз.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ***ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.***